

На правах рукописи

СЛАВКО Андрей Александрович

**ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ И БЕЗНАДЗОРНОСТЬ В РОССИИ
КОНЦА 1920-Х – НАЧАЛА 1950-Х ГОДОВ:
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ, ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ БОРЬБЫ**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

12 МАЙ 2011

Самара – 2011

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Самарский государственный университет»

Научный консультант: Заслуженный деятель науки РФ
доктор исторических наук, профессор
Кабытов Петр Серафимович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Бородкин Леонид Иосифович

доктор исторических наук
Есаков Владимир Дмитриевич

доктор исторических наук, профессор
Парамонов Вячеслав Николаевич

Ведущая организация - Саратовский государственный университет.

Защита состоится 26 мая 2011 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.218.02 при Самарском государственном университете, 443011, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, зал заседаний

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского государственного университета.

Автореферат разослан «12» апреля 2011 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Леонтьева О. Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Актуальность проблемы детской беспризорности и безнадзорности в конце 1920-х – начале 1950-х гг. определяется тем, что долгое время эта тема была закрытой для исследований, многие вопросы до сих пор являются дискуссионными и подход к их решению неоднозначен. Отсутствуют обобщающие труды по истории детской беспризорности в России рассматриваемого периода, не проанализированы возможности исследования данной темы с точки зрения их обеспеченности источниками. Называя причины детской беспризорности, авторы не раскрывают их сущностного происхождения на основе фактических данных. Не обработаны материалы массовых источников, которые позволяют изучить состав и структуру беспризорников как социальной группы. Не использовался системный подход к рассмотрению проблемы беспризорности и безнадзорности в динамическом разрезе и т. д.

Одной из важнейших задач, которую Советское государство решало с первых лет своего существования, являлась борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением. Основными причинами сиротства детей в этот период стали Первая мировая и Гражданская войны, голод, массовые эпидемии. К концу 1920-х гг. были достигнуты определённые положительные результаты: в городах резко сократилась численность беспризорников, функционировали различного типа детские учреждения, в которых ребёнок вне семьи мог получить социальную помощь. Однако, несмотря на усилия государства, условия жизни в детских учреждениях, в которые попадал такой ребёнок, были крайне неудовлетворительными, что не позволяет сделать вывод об окончательном решении проблемы.

Начало следующего десятилетия связано с расширением массовых репрессий, что вновь резко обострило проблему детского сиротства. Противоречивость социальной политики Советского государства в этот период заключалась в том, что, с одной стороны, оно постоянно решало задачу построения эффективной системы преодоления детской беспризорности и безнадзорности, а, с другой, – именно репрессивная политика по отношению к советским гражданам явилась одной из основных причин разрушения семьи и новых витков массовой детской беспризорности. Великая Отечественная война ещё более усугубила тяжёлое положение ребёнка. Всё это повлекло и ужесточение методов работы с беспризорниками. Политика борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью стала эффективной только к началу 1950-х гг., когда в определённой степени начали свёртываться репрессии, постепенно улучшалось экономическое положение в стране и, как следствие, – жизнь ребёнка в семье и детских учреждениях.

В России накоплен значительный опыт по ликвидации детской беспризорности, как позитивный, так и негативный, который, несомненно, может быть полезен и интересен в современных условиях, тем более, что, по одним сведениям, на сентябрь 2010 г. в России насчитывалось 2 млн беспризорников, по другим – до 5 млн человек. Таким образом, тема детской беспризорности и безнадзорности актуальна не только в научном, но и практическом плане.

Объектом изучения данной работы являются беспризорные и безнадзорные дети России конца 1920-х – начала 1950-х гг. как массовое социальное явление, а также государственная политика, направленная на решение этой проблемы.

Предмет исследования – социальный портрет беспризорного и безнадзорного ребёнка изучаемого периода, становление и функционирование государственных учреждений и общественных организаций по работе с беспризорными и безнадзорными детьми, деятельность детских домов и учреждений для несовершеннолетних правонарушителей.

Цель исследования данной работы – комплексное изучение детской беспризорности и безнадзорности в России конца 1920-х – начала 1950-х гг. Для раскрытия цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать отечественную и зарубежную историографию, выявив глубину исследования тех или иных вопросов, а также наличие дискуссионных проблем;
- рассмотреть процессы становления и развития системы учёта и отчётности по детской беспризорности и безнадзорности, охарактеризовать основные комплексы источников по теме;
- воссоздать социальный портрет беспризорного и безнадзорного ребёнка;
- выявить причины массовой детской беспризорности и безнадзорности в конкретные исторические периоды;
- изучить процесс формирования законодательной и нормативно-методической базы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности;
- исследовать деятельность государственных учреждений и общественных организаций в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью;
- охарактеризовать исторические особенности функционирования детских домов в различные временные периоды;
- определить роль трудовых домов и детских трудовых и трудовых воспитательных колоний в социализации беспризорного и безнадзорного ребёнка.

Хронологические границы исследования – конец 1920-х – начало 1950-х гг. Этот период охватывает историю борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, основными причинами которой явились репрессивная политика Советского государства, голод, Великая Отечественная война. Для него характерны неоднократные резкие всплески массовой беспризорности и снижение её размеров. Менялись причины данного социального явления и формы его ликвидации, система детских учреждений для беспризорников. Нижняя граница определяется периодом, когда молодое Советское государство в основном решило свои задачи по борьбе с детской беспризорностью, вызванной войнами, голодом и эпидемиями первых лет советской власти. Сокращается численность детских учреждений для беспризорников, а также денежные ассигнования на них. Верхняя хронологическая граница определяется созданием целостной системы эффективной борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, позволившей не только уменьшить количество беспризорников, но и улучшить условия их существования. Эти положения были сформулированы в постанов-

лении Совета Министров СССР «О мерах ликвидации детской беспризорности в РСФСР» от 8 апреля 1952 г. № 1708.

Территориальные рамки исследования представлены границами Российской Социалистической Федеративной Советской республики. Для иллюстрации общих закономерностей и тенденций использованы материалы по различным регионам страны. Это Центр и Северо-Запад Европейской России, Север и Юг России, Урал и Сибирь. Для более детальной характеристики взяты Москва и Ленинград, как столичные города, где особенно много скапливалось беспризорников; Орёл, Тверь и, соответственно, Орловская и Тверская области – регионы, бывшие оккупационной зоной в годы Великой Отечественной войны; Уральская (Свердловская) область, Коми АССР, ставшие одними из основных мест спецпоселений и лагерей, Тюменская область, как один из важнейших регионов, принявших эвакуированных, и др. В работе кратко затрагиваются проблемы детей в союзных республиках. Как правило, это дети-россияне, попавшие в исправительно-трудовые лагеря вместе с репрессированными родителями или родившиеся в неволе.

Методологическую основу работы составляет многофакторный подход, укоренённый в традициях отечественной исторической науки. Его применение позволяет выявить комплекс причин, порождающих определенные социальные явления, проследить на конкретных примерах взаимосвязь и взаимовлияние демографического, социально-экономического, политического, социально-психологического и других факторов исторического процесса.

Современные авторы к беспризорным относят детей, оставшихся без связи с семьёй и родителями, не имеющих жилья и добывающих средства для своего существования противоправными способами. Безнадзорными считаются дети, окончательно не порвавшие связь с семьёй, но лишённые должного контроля и надзора со стороны родителей или лиц, их заменяющих.

В определении термина «беспризорный ребёнок» мы придерживаемся широкого толкования, причисляя к этой категории всех детей, оказавшихся в аномальной ситуации и лишённых возможности нормального духовного, психического и физического развития, в том числе находящихся вместе с родителями. Это определение наиболее полно подходит и к детям репрессированных родителей, независимо от того, подверглись ли они административному наказанию – кулацкой ссылке, депортации или трудовой мобилизации – или же уголовному наказанию по политическим мотивам. Такие дети в данной работе будут причисляться к беспризорным, поскольку, разделив трагическую судьбу своих родителей, они были лишены нормального детства. К безнадзорным детям в диссертации относится та часть беспризорников, которые имели родителей (родителя) или лиц, их замещающих, с ними не поддерживали никаких отношений, но потенциально официальными органами могли быть направлены на их содержание и воспитание. Беспризорность – это социальная среда, в которую попадал беспризорный ребёнок, зачастую связанная с асоциальными явлениями: нищенством, воровством, алкоголизмом, наркоманией и проституцией. Социальный портрет беспризорного ребёнка предполагает изучение обобщён-

ных личностных характеристик беспризорника, а также типичных условий его существования на улице.

В работе широко привлекается историко-сравнительный подход, позволивший проанализировать механизм осуществления тех или иных мероприятий по борьбе с детской беспризорностью в их взаимосвязи и взаимообусловленности, на фоне и в сопоставлении с другими политическими и социально-экономическими явлениями, происходившими в стране в этот период. Системно-структурный метод дал возможность выделить основные характеристики беспризорных детей как социальной группы, рассмотреть степень зависимости этих признаков в рамках единой структуры, а также изучить структурные изменения данной группы на протяжении выделенного периода. Метод моделирования позволил выявить наиболее важные стороны деятельности детских домов открытого типа и трудовых домов и колоний для несовершеннолетних правонарушителей. С помощью иллюстративного метода был привлечён разнообразный материал для демонстрации тех или иных явлений или процессов на конкретных примерах. Кроме того, использованы статистические и математические методы обработки массовых источников, просопографический подход при изучении биографий конкретных персоналий – бывших беспризорников и бывших воспитанников детских домов.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые в отечественной историографии ставится проблема системного исследования детской беспризорности на протяжении одного из наиболее сложных периодов Российской истории;

- уточнены понятия «беспризорный» и «безнадзорный» ребёнок в зависимости от сущности государственной политики борьбы с детской беспризорностью в различные исторические периоды;

- изучен вклад зарубежных исследователей в раскрытие проблемы беспризорных и безнадзорных детей в России сталинского периода;

- особой новизной отличается раздел, связанный с раскрытием системы учёта и отчётности по детской беспризорности;

- предпринят комплексный анализ как позитивных, так и негативных тенденций процесса ликвидации детской беспризорности за длительный, 25-летний период российской истории;

- по-новому анализируются причины детской беспризорности как результата репрессивной политики Советского государства;

- предложен авторский подход к периодизации массовой детской беспризорности и критерии её обоснования;

- представлена реляционная база данных «беспризорник», которая позволила получить новые материалы для изучения состава беспризорных детей конца 1920-х гг.;

- внесены существенные коррективы в историографическую концепцию политики борьбы государства с беспризорностью и безнадзорностью детей; установлено, что эта политика способствовала не ликвидации данного явления, а лишь временному сокращению численности беспризорных детей;

– впервые поставлена и рассмотрена проблема функционирования детских учреждений открытого и закрытого типов как единой системы;

Научно-практическая значимость диссертации определяется тем, что её результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по социальной истории Советского государства, истории детства, а также детской беспризорности в отдельных регионах страны. Материалы и выводы могут войти в лекционные курсы исторических, педагогических, управленческих, психологических специальностей и направлений вузов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Система учёта и отчётности по детям-сиротам, окончательно сложившаяся к концу 1940-х гг., свидетельствует об огромных сложностях в получении обобщённых показателей состояния детской беспризорности и безнадзорности на протяжении всего рассматриваемого в диссертации периода. Несмотря на это, комплексы архивных и опубликованных источников, доступные в настоящее время исследователям, позволяют сделать вывод о полноте и достоверности информации по основным важнейшим аспектам проблемы беспризорного детства.

2. В истории детской беспризорности в России рассматриваемого периода выделяется несколько «волн»: конец 1920-х – первая половина 1930-х гг.; вторая половина 1930-х гг.; период Великой Отечественной войны; вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.

3. К числу важнейших факторов, обусловивших причины детской беспризорности и безнадзорности конца 1920-х – начала 1950-х гг., относится не только Великая Отечественная война, но и репрессивная политика Советского государства, повлекшая за собой разрушение семьи, голод, высокую смертность и др. В условиях беспризорного и безнадзорного детства ребёнок попадал в тяжелейшие жизненные условия, которые отрицательно сказывались на его здоровье, психике, дальнейшей социализации.

5. Политика Советского государства на протяжении всего изучаемого периода была нацелена на борьбу с массовой беспризорностью и безнадзорностью детей. Однако она носила противоречивый и непоследовательный характер этого социального явления, затрагивая не первопричины, а только следствие.

6. Неоднократные декларативные заявления официальных органов власти о ликвидации беспризорничества в различные исторические отрезки рассматриваемого в диссертации периода не подтверждаются никакими документальными свидетельствами и скорее носили пропагандистский характер. На самом деле речь шла об изъятии беспризорников с улиц и из больших городов, активном использовании мер судебного преследования, что приводило к временному сокращению численности беспризорных детей, но не искоренению этого явления.

7. К концу 1920-х гг. происходит отказ государства от использования различных методов педагогического воздействия на беспризорного ребёнка и попыток реализовать идею перехода к всеобщему государственному воспитанию детей. Беспризорность рассматривается как преступность, а всё большее число

беспризорников помещается в общие места заключения и в трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей. С середины 1930-х гг. все основные полномочия по борьбе с беспризорностью передаются НКВД.

8. Одним из основных детских учреждений, в которых беспризорник получал социальную помощь и реабилитацию, являлись детские дома. Деятельность этих учреждений постоянно сталкивалась с огромными трудностями: недостаточным финансированием, плохими условиями содержания воспитанников, значительной текучестью педагогических кадров, недостатком мест и др. Жизнь воспитанников детдомов постепенно улучшается только к началу 1950-х гг.

9. Наряду с детскими домами существовали детские учреждения открытого и закрытого типов для несовершеннолетних правонарушителей – трудовые дома, трудовые и трудовые воспитательные колонии. Сюда попадали не только дети, имеющие судимость, но и не совершившие никаких преступлений. Строгий режим в детских колониях приводил к резкому снижению побегов, но и способствовал значительно большей криминализации среди детей и подростков.

Апробация результатов проведённого исследования. Основные положения и выводы докладывались и обсуждались на кафедре новейшей истории Самарского государственного университета, кафедре гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тверского филиала Российского государственного гуманитарного университета, международных, всероссийских и региональных научных и научно-практических конференциях, таких как: VII Всероссийская научно-практическая конференция «Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере (Сыктывкар, 28 марта 2008 г.); Международная конференция «Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы» Ассоциации «История и компьютер» (Москва, 13–15 декабря 2008 г.); Международная научно-практическая конференция «Проблемы современного общества: естественно-научные и гуманитарные аспекты» (Георгиевск, 19 марта 2009 г.); Международная научно-практическая конференция «Теоретические и практические аспекты социально-экономического и политического развития республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе» (Алматы, 15 мая 2009 г.), и др.

Результаты диссертации отражены в 53 публикациях, из них 11 – в ведущих рецензируемых научных журналах, определённых ВАК Минобрнауки России, общим объёмом 74 п. л.

Материалы диссертации использованы при чтении лекций студентам ряда вузов в рамках учебных курсов «Отечественная история», «История государственных учреждений в России» и «История государственного управления в России», а также авторского специализированного курса «История борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в 1920 – начале 1950-х гг.»; по данной проблематике разработана тематика курсовых и дипломных работ студентов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения.

II. СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность диссертационного исследования с точки зрения значимости для теоретического и практического осмысления государственной политики в отношении беспризорных детей. Здесь же сформулированы объект и предмет, цель и задачи диссертации, определены хронологические и территориальные границы, охарактеризована методология исследования, раскрыта научная новизна и практическая значимость, приведены сведения об апробации её результатов, сформулированы основные положения, выносимые на защиту, охарактеризована структура работы.

Первая глава «Историография и источники изучения проблемы детской беспризорности и безнадзорности» посвящена анализу вклада российских и зарубежных авторов в разработку проблемы беспризорного детства и характеристике источников её исследования.

Неоднозначная степень внимания к данной проблеме со стороны государства и научной общественности обусловила необходимость выделения различных историографических периодов. В этой же главе даётся источниковедческая характеристика использованных комплексов источников в зависимости от их происхождения, содержания и внутренней формы. Особое место уделено процессу становления и развития системы учёта и отчётности по беспризорным и безнадзорным детям.

Первый параграф - «Оценка становления и развития концепции борьбы с детской беспризорностью в публикациях отечественных и зарубежных исследователей». В первых работах, посвящённых причинам беспризорности в Советской России, авторы основывались на теории моральной дефективности (П. П. Блонский, Н. Н. Иорданский и др.)¹. К концу 1920-х гг. эта концепция подверглась резкой критике, и корни беспризорности стали связываться с социальными проблемами, важнейшими из которых были Первая мировая и Гражданская войны, массовый голод и эпидемии. Исследование причин беспризорности, обусловленных личностными особенностями подростка и его психологической недостаточностью, заменяется изучением социально-экономических факторов. Зброшенность и безнадзорность детей в условиях сложнейшей экономической ситуации и тяжёлого быта, как одна из причин беспризорности, рядом авторов была отнесена к наследию дореволюционного прошлого (И. Свет, Д. Футер и др.)². В конце 1920-х гг. к причинам беспризорности стала причисляться безработица взрослых и подростков.

¹ См.: Иорданский Н. Н. Детский дом-коммуна. – М., 1919; Блонский П. О так называемой моральной дефективности // На путях к новой школе. – 1923. – № 9; и др.

² Свет И. Родительские объединения в борьбе с безнадзорностью детей // Вестник просвещения. – 1926. – № 7 – 8. – С. 4; Футер Д. Детское бродяжничество и его профилактика // Детский дом. – 1928. – № 3; и др.

В центре внимания авторов находилась проблема численности беспризорников. Уточнялись показатели по отдельным регионам и периодам (М. Богуславский, М. Эпштейн и др.)³. Для публикаций конца 1920-х гг. характерен идеологически важный вывод о значительном сокращении «уличной беспризорности» как массового явления. Однако недаром вводится этот термин, под которым подразумевается городская беспризорность. Полностью отсутствуют работы о беспризорниках, находящихся в сельской местности.

В статьях широко обсуждается механизм функционирования детских домов и проблемы их дальнейшего развития (К. Студинский, Н. Деянова и др.)⁴. Заостряется внимание на роли мастерских в овладении воспитанников детдомов трудовыми навыками. В условиях финансового дефицита дискутировалась проблема окупаемости производственных подразделений, на которых были задействованы бывшие беспризорники (О. Бем, А. Климов, Л. Глатман и др.)⁵. Большинство авторов придерживались мнения о том, что труд в детских учреждениях не должен быть направлен на содержание учреждений и обеспечивать их самоокупаемость. Отдельной темой в публикациях проходит детская преступность и методы её пресечения. Определённый интерес привлекали вопросы, связанные с ролью общественности в судьбе беспризорных детей. Существенное место при этом отводилось родительским объединениям в деле предотвращения беспризорности, организации общественного мнения по вопросам воспитания среди рабочих и крестьян.

На страницах публикаций рассматривается и региональный аспект работы с беспризорными детьми и беспризорностью как социальным явлением (Б. Орловский, Ф. Б. Беспалов, Т. М. Горемыкин, И. Зобов, Тронин и др.)⁶. Проблемам беспризорности были посвящены многочисленные научно-практические конференции, съезды, совещания, проводившиеся в 1920-е – начале 1930-х гг. На них обсуждались социальные корни детской беспризорности, проблемы труда подростков, динамика численности детдомов, а также формы и принципы их функционирования, вопросы правовой защиты детей и т.п.

К середине 1930-х гг. дискуссии по борьбе с беспризорностью полностью прекращаются, поскольку в них начинают затрагиваться вопросы о негативных последствиях раскулачивания и спецпереселения как причинах детской беспризорности. Перестали печататься любые суждения не только о причинах беспри-

³ Богуславский М. Борьба с детской беспризорностью в РСФСР; Эпштейн М. Состояние детской беспризорности и очередные задачи борьбы с ней // Народное просвещение. – 1928. – № 1; и др.

⁴ Васильева В. Организация труда в детских домах РСФСР // Народное просвещение. – 1924. – № 9 – 10; Студинский К. К работе с беспризорными в детских домах // Детский дом. – 1928. – № 3; Деянова Н. Борьба с детской беспризорностью в условиях центра: на основании материала по приему ребят в Московские детучреждения в 1928/29 г. // Детский дом. – 1930. – №2-3; и др.

⁵ См.: Бем О. Борьба с детской беспризорностью // Народное просвещение. – 1924. – № 9–10; Глатман Л. О трудовом воспитании беспризорных // Вожатый. – 1925. – № 19–20; Климов А. Наши достижения в области трудовой подготовки беспризорника // Вопросы просвещения. – 1927. – № 6 – 9; и др.

⁶ См., напр.: Орловский Б. Борьба с детской беспризорностью в Нижегородской губернии // Школа и жизнь. – 1926. – № 11; Беспалов Ф. Б., Горемыкин Т. М. Беспризорность и малолетние нарушители на Дону (в цифрах) // Вопросы просвещения. – 1926. – № 2; Урал в борьбе с беспризорностью // Просвещение на Урале. – 1927. – № 2; Зубов И. Детская асоциальность в Ярославской губернии за 5 лет (1923–1927) // Наш труд. – 1928. – № 7 – 8; Тронин. Борьба с детской беспризорностью на Урале // Просвещение на Урале. – 1929. – № 5 – 6; и др.

зорности и методах её ликвидации, но и о детской беспризорности в целом. В работах последующего периода, до середины 1980-х гг., изучается история создания детских школьных коллективов⁷, анализируются проблемы сочетания процесса обучения с производительным трудом, детского самоуправления⁸. В исследованиях, посвящённых Великой Отечественной войне, широко освещается помощь голодающим и особенно детям в трудные периоды истории Советского государства. Защищаются диссертации, где основное место уделяется роли Коммунистической партии и Советского правительства в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, успехам в решении этого сложнейшего вопроса⁹.

Период «перестройки» был связан с началом «рассекречивания» проблемы репрессий в Советском Союзе в целом, в том числе и судеб беспризорных и безнадзорных детей. Общество начинает обсуждать такие темы в условиях недостатка информации и полного отсутствия специальных исследований, высказываются диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же проблемы. Краткие упоминания о беспризорных детях содержатся в работах, посвящённых смежным сюжетам¹⁰. Заслуживает внимания исследование В. Г. Тимофеева о воспитанниках детских домов Чувашии¹¹.

Новый этап в области изучения проблем беспризорности начинается в 1991 г., когда был снят гриф секретности со многих источников. Перестала быть запретной и разнообразная проблематика, связанная с историей беспризорности.

В числе первых были опубликованы статьи А. Ю. Рожкова, где представлен материал и важные обобщения о причинах беспризорности, социальном портрете беспризорников, их жизни в условиях беспризорности и в детских домах, мероприятиях партии и правительства по «изъятию» беспризорников и др., предлагается авторское видение ряда проблем беспризорности¹². Опубликованы статьи о беспризорниках 1930-х и послевоенных 1940-х гг. Катастрофический рост численности беспризорных детей в 1990-е гг., сложные условия их существования поставили в качестве актуальной проблему исследования исторического опыта ликвидации беспризорности, а также ретроспективных динамических процессов (А. Базаров, М. Зезина и др.)¹³.

⁷ Касторский Ю. Л. Организация и воспитание общешкольного коллектива. – М., 1956; Воспитательная работа в школьном коллективе. – М., 1958; и др.

⁸ Каратов В. М. Самоуправление школьников. – М., 1981; Гордин Л. Ю. Школа инициативы и самостоятельности. – М., 1984; и др.

⁹ Герасимова Г. Борьба Коммунистической партии и Советского правительства с детской беспризорностью в период восстановления народного хозяйства: 1921–1925 гг.: на материалах Московской и Ленинградской губерний: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1971; Шнизова Н. В. Борьба советского государства за преодоление детской беспризорности в 1920–1936 гг.: на материалах Дона и Кубани: Дис. ... канд. ист. наук. – Ростов – на – Дону, 1982; и др.

¹⁰ См., напр.: Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. – М., 1986.

¹¹ Тимофеев В. Г. Подготовка воспитанников детских домов Чувашии к активной трудовой деятельности в предвоенные годы: (1920–1941 гг.). – Чебоксары, 1989.

¹² Рожков А. Ю. Беспризорники // Родина. – 1997. – № 9; Он же. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. – 2000. – № 11.

¹³ Базаров А. Сирота Страны Советов // Родина. – 2002. – Март; Зезина М. Без семьи: сироты послевоенной поры // Там же. – 2001. – Сентябрь; и др.

История детской беспризорности изучается в региональном разрезе. Н. В. Рябинина, например, опубликовала серию статей по материалам Ярославской губернии¹⁴. Борьбе с беспризорностью в 1920–1930-е годы в городах Сызрань и Елабуга посвящена статья Ю. В. Войнаровской¹⁵.

Постепенно начинается всестороннее осмысление проблемы ГУЛАГа. Интересные материалы и аналитические обобщения содержит исследование вопросов экономики принудительного труда на основе материалов архивных фондов. Авторский коллектив остановился на таких важнейших проблемах, как принудительный труд в сталинских лагерях 1930-х – середины 1950-х гг. (А. К. Соколов); масштабы, структура и тенденции развития экономики ОГПУ – НКВД – МВД СССР (О. В. Хлевнюк); механизм регулирования принудительного труда в ГУЛАГе (Л. И. Бородкин) и др.¹⁶ Результаты этих исследований позволяют систематизировать виды репрессий и оценить огромные людские потери, напрямую повлиявшие на рост численности беспризорных и безнадзорных детей.

Если сравнить отечественную историографию с зарубежной в рамках тех же историографических периодов, то наблюдается следующая ситуация. В 1920-е – начале 1930-х гг. за рубежом публикуются работы, в которых авторы делятся своими впечатлениями от посещения в России образцово-показательных учреждений, одним из которых являлась Болшевская трудовая коммуна для несовершеннолетних правонарушителей. Среди тех, кто посетил коммуны в 1926 г., а затем опубликовал свои наблюдения, приводятся имена члена немецкой компартии, юриста и педагога Гуго Якоби¹⁷ и социал-демократа, адвоката Курта Розенфельда¹⁸. В статьях обсуждается методика перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в Советской России, в том числе используемая при этом система наказаний. Болшевской коммуны посвящена и работа М. Бесса. На её примере автор изучает методы борьбы с беспризорностью в России¹⁹. Однако монографические исследования по детской беспризорности и безнадзорности в Советской России этого периода отсутствуют.

Отличительной особенностью второго и третьего историографических периодов, со второй половины 1930-х по 1991 г., для зарубежной историографии по русистике является всестороннее обсуждение сталинских репрессий, в том числе их социальных последствий. Тема беспризорного и безнадзорного детства в Советской России как самостоятельная не изучается. Зарубежных авторов интересует советская модель пенитенциарной системы, частью которой

¹⁴ См., напр.: Рябинина Н. В. Деятельность Ярославских органов власти и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1920-е гг. // *Власть и город: история и современность*. – Ярославль, 2001.

¹⁵ Войнаровская Ю. В. Борьба с беспризорностью в малых городах Поволжья в 1920–1930-е гг. (на примере г. Сызрани и г. Елабуги) // *Вестник Самарского государственного университета*. – 2009. – № 11.

¹⁶ ГУЛАГ: экономика принудительного труда / отв. ред. Л. И. Бородкин [и др.]. – М., 2008.

¹⁷ Jacobi H. Sowjetrussische Fiirosorfigerziehung // *Das neue Rueland*. – 1927. – №9/10.

¹⁸ Rosenfeld K. Ein russisches jugendgefängnis // *Das neue Rueland*. – 1927. – №1-2.

¹⁹ Bess M. Bespriornnye, die Methoden des Kampfes gegen die Verwahrlosung in Russland // *Osteuropa*. – 1932/33.

являлись детские учреждения для несовершеннолетних правонарушителей²⁰. В 1960-1980-е гг. опубликованы исследования по советской истории сталинского периода, позволяющие оценить ту обстановку, с которой столкнулись многие дети, и условия, негативно повлиявшие на советскую семью²¹.

За рубежом широко изучается система воспитания несовершеннолетних правонарушителей, предложенная выдающимся педагогом А. С. Макаренко. В Германии в Марбургском университете в течение длительного времени функционирует лаборатория «Макаренко-реферат», руководителем которой является Г. Хиллиг²². За время работы лаборатории (более 25 лет) подготовлено значительное число исследований, посвящённых жизни и творчеству А. С. Макаренко, часть из которых опубликована на русском языке²³.

В зарубежной литературе 1991 г. назван годом архивной и историографической революции²⁴. Доступ исследователей к новым источникам, отложившимся в российских архивах, расширил и проблематику научных исследований. Историографический опыт предыдущих лет позволил продолжить изучение сталинских репрессий на новом качественном уровне. Уточняются многие факты, разворачиваются научные дискуссии по ряду важнейших положений. Начинается изучение и проблемы детской беспризорности и безнадзорности в России сталинского периода.

Бездомным детям в Советской России посвящена монография Алана М. Болла, опубликованная в 1996 г.²⁵. В ней анализируются причины того, почему миллионы советских детей в 1920-е годы стали бездомными, а также жизнь детей в условиях беспризорности. Автор задаётся вопросом, в чьих интересах была Октябрьская революция, если столько советских детей оказалось на улице, занимаясь нищенством, проституцией и воровством.

В работе Ш. Фицпатрик, посвящённой российской деревне 1930-х гг., есть специальный раздел по крестьянским семьям²⁶. Автор обращает особое внимание на то, что осиротевшие дети представляли собой «второе поколение беспризорных – детища коллективизации, миграции, раскулачивания и голода».

²⁰ В этой связи необходимо прежде всего отметить работы Р. Конквеста, в том числе его фундаментальный труд, посвящённый Большому Террору в СССР 1930-х годов: Conquest R. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties. – Toronto, 1968.

²¹ См., напр.: Barton P. L' *institution concentrationnaire* in Russia (1930-1957). – P., 1969; Heller M. The World of Concentration Camps and Soviet Literature. – L., 1979; Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-famine. – New York, 1986.

²² См., напр.: Hillig G., Weitz S. Probleme der Organisationsstruktur der Makarenkoschen Jugendheime // A. S. Makarenko und die sowjetische Pädagogik seiner Zeit. – Marburg, 1972.

²³ См.: Хиллиг Г. Святой Макаренко: к изданию произведений А. С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР/СССР: (1950-1983 гг.). – Марбург, 1984; Он же. А. С. Макаренко и НКВД // Советская педагогика. – 1990. – №9; Он же. А. С. Макаренко и Болшевская коммуна // А. С. Макаренко сегодня: новые материалы, исследования, опыт. – Нижний Новгород, 1992; и др.

²⁴ См., напр.: Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне 1917-1933. – М., 2008. – С.69.

²⁵ Ball Alan M. And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia: 1918-1930. – University of California Press, 1996.

²⁶ Fitzpatrick Sheila. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1994. – P. 218-224; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. – М., 2005.

В связи с этим возникает ещё одна сложнейшая проблема: отношение населения к сиротам из кулацких семей.

Заслуживает особого внимания исследование Катрионы Келли, опубликованное в 2007 г.²⁷ Одна из глав, «Дети государства, 1935-1953 гг.», переведена на русский язык и выложена в сети Интернет²⁸. Автор пишет, что «глубочайшие институциональные сдвиги» для малолетних правонарушителей обернулись «сворачиванием либеральных реформ первых лет советской власти и возвращением в пределы исправительной системы». Это утверждение ставит новую, пока ещё недостаточно изученную проблему: в какой степени советская власть использовала опыт работы с трудными подростками, накопленный в до-революционной России.

В своей работе К. Келли останавливается на организационных проблемах – отсутствии в России рассматриваемого периода «централизованной социальной службы, занимающейся детством». Интересна постановка вопроса о языке, «на котором разговаривали беспризорные дети в современных драматических произведениях», приведшая «к цензурной обработке существующих текстов и более тщательной подготовке последующих». К. Келли детально изучает задачи, сформулированные в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г., и итоги их выполнения, пытается найти позитивные стороны в работе с беспризорными детьми. К их числу она относит практику прикрепления к детским домам «шефских» организаций, учреждение «патроната над детьми» – хотя далее и пишет, что «далеко не ясно, насколько эффективными оказались новые установления».

Многие публикации зарубежных авторов по истории сталинской эпохи в настоящее время позволяют оценить различные концептуальные подходы, дать сравнительный анализ основных видов репрессий и их последствий. Важной в зарубежной историографии является проблема моральных последствий репрессивной политики Советского государства. Применительно к истории детства, это прежде всего взаимоотношения бездомных детей и взрослых в семье и обществе, проблема «реабилитации» беспризорных детей Советской России.

Российскими авторами подготовлена серия кандидатских диссертаций по данной проблеме. Проблема беспризорности и безнадзорности теснейшим образом связана с вопросами защиты детства в СССР изучаемого периода. Диссертация Н. Н. Карамашевой (1993 г.) была посвящена охране детства в СССР в годы Великой Отечественной войны. В основу работы легли материалы по Восточной Сибири²⁹. Успешно защищена в 2003 г. диссертация Н. С. Сажинной по истории беспризорности на Урале 1920-х гг.³⁰. В 2004 г., А. Д. Реутова защищает кандидатскую диссертацию, посвящённую проблеме ликвидации детской

²⁷ Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia: 1890-1991. – New Haven; London: Yale University Press, 2007.

²⁸ Келли К. Дети государства, 1935-1953 / пер. с англ. А. Захарова // Сайт «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/kk5.html> (дата обращения: 19.01.2011).

²⁹ Карамашева Н. Н. Охрана детства в СССР в годы Великой Отечественной войны: на матер. Восточной Сибири: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993.

³⁰ Сажина Н. С. Деятельность государства и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1921 – 1928 гг.: на матер. Урала: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Екатеринбург, 2003.

беспризорности в Верхневолжском регионе в 1921 – 1935 гг.³¹ Л. В. Блонский подготовил кандидатскую диссертацию по детской беспризорности периода НЭПа, основное внимание сосредоточив на ситуации в Нижнем Поволжье³². В 2005 г. автор настоящего исследования защитил кандидатскую диссертацию по беспризорникам России первого десятилетия Советской власти³³. В результате был сделан вывод о том, что, хотя к 10-летнему юбилею Советской власти работа с беспризорными детьми в стране постепенно приобретала плановый и управляемый характер, однако задачи по борьбе с детской беспризорностью были решены лишь частично. Предметом исследования Е. Н. Афанасьевой стал опыт сокращения детской беспризорности на территории Иркутской области и Красноярского края в 1920 – 1930-е гг.³⁴. Автор детально остановилась на изучении деятельности приёмных пунктов, охарактеризовала патронирование, проанализировала содержание учебно-воспитательной работы в детских домах. Тогда же, в 2007 г., была защищена диссертация В. Н. Бубличенко, посвящённая детским закрытым учреждениям НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России в 1935–1956 гг.³⁵

Таким образом, в историографии детской беспризорности особо выделяются работы 1920-х – первой половины 1930-х гг. В их основе лежал научный подход, эффективное использование практического опыта. Эти исследования отличает разнообразие проблематики, огромная научная и практическая значимость, поиск эффективных путей выхода из состояния беспризорности. Вместе с тем на содержании работ сказались идеологические установки, приведшие, в конечном итоге, к свёртыванию публичного обсуждения проблем беспризорности. Научные изыскания последующего, второго периода, вплоть до середины 1980-х гг., фактически касаются лишь смежных сюжетов – проблем детства в целом, позитивной роли государства и общественности в помощи детям-сиротам, особенно в годы Великой Отечественной войны, методики преподавания и воспитания в детских домах обычного типа. Вторая половина 1980-х гг. (третий историографический период) связана с началом обсуждения проблем репрессивной политики Советского государства и их социальных последствий. После 1991 г. (четвёртый период), когда открываются многие архивные фонды, постепенно вновь актуализируется проблема детской беспризорности и безнадзорности. Подготовлена серия статей, успешно защищено несколько диссертаций по данной проблематике, прежде всего регионального характера. Однако многие вопросы остались неизученными.

Второй параграф – «Система учёта и отчётности по беспризорным и безнадзорным детям». Методика единого учёта беспризорных и безнадзорных

³¹ Реутова А. Д. Ликвидация массовой детской беспризорности в 1921–1935 годах: на матер. Верхневолжья: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иваново, 2004.

³² Блонский Л. В. Детская беспризорность в СССР периода НЭПа: опыт ликвидации: на матер. Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Саратов, 2004.

³³ Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Чебоксары, 2005.

³⁴ Афанасьева Е. Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920 – 1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 2007.

³⁵ Бубличенко В. Н. Детские закрытые учреждения НКВД–МВД СССР на Европейском Севере России: (1935–1956): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Сыктывкар, 2007.

детей, а также учреждений, в которые они попадали, складывалась в Советской России постепенно. Строгий учёт требовался для налаживания системы централизованного финансирования и контроля за расходованием средств со стороны руководства детскими учреждениями. Из-за отсутствия системы учёта большие сложности возникали при планировании (даже краткосрочном) мест в детских учреждениях и количества самих учреждений. До конца 1920-х гг. практически не существовало определённой системы учёта беспризорных и безнадзорных детей, в том числе периодическая отчётность статистического характера. Только с 1928 г. начинают оформляться обязательные отношения между отделом социального обеспечения и отделом народного образования при передаче беспризорных детей в распоряжение мастерских (для обучения конкретной специальности) или крестьянскому двору. С этого периода Деткомиссия при ВЦИК обязана была ежегодно публично отчитываться о своей деятельности перед Президиумом ВЦИК, а местные Деткомиссии – перед Президиумами соответствующих исполкомов.

Отсутствовал учёт детей-сирот и беспризорников, находящихся в спецпосёлках, в первый год кулацкой ссылки. С целью ликвидации сложившейся ситуации, в 1931 г. вводится единая форма 9 В – «Акт обследования несовершеннолетнего», утверждается единая форма сведений о семье, изъявившей желание принять на воспитание ребёнка из детдома или беспризорного. В 1933–1934 гг. в РСФСР проводится перепись детских домов и их воспитанников. Обследованием был охвачен 1 241 детский дом и 116 808 содержащихся там детей. Вслед за этим организуется дополнительное выборочное обследование.

Статистические формы учёта и отчётности для учреждений закрытого типа вводятся только с середины 1930-х гг. До этого периода отсутствовала единая методика предоставления сведений и наблюдались разночтения. Неточность данных по малолетним правонарушителям была обусловлена в определённой степени совместным содержанием детей и взрослых преступников (сведения приводились в суммарном виде), постоянным движением контингента правонарушителей.

В 1934 г. ставится вопрос о срочном завершении полного учёта детей, переданных на патронирование, а через год – организации учёта и изучения статистических данных контингентов приёмников–распределителей. В это время повсеместно вводится единая статистическая форма – Ф.ОД-2 – «Годовой отчёт детского дома». Впредь к строжайшей ответственности стали привлекаться работники, которые несвоевременно сдавали в секретную часть Деткомиссии ВЦИК отчётные документы. Регистрация детей, родившихся в лагерях, вельсь медико-санитарным отделением и учётно-регистрационной частью управления. Затем эти функции были переданы райзагсам. Прямые указания на место рождения ребёнка в лагере не допускались, и дети, выросев, не знали ни того, что они дети лагеря, ни кто их истинные родители.

Великая Отечественная война потребовала принятия новых мер по совершенствованию системы учёта. 23 января 1942 г. создаётся Центральный справочный адресный детский стол, а также справочно-адресные детские столы при областных, краевых, городских и районных отделениях УНКВД. Здесь

должны были регистрироваться дети, находившиеся в приёмниках–распределителях и направленные в детские учреждения, на патронат или на производство. В связи с массовым оттоком подростков старше 14 лет из трудовых колоний, трудовых воспитательных колоний в ремесленные и железнодорожные училища, школы ФЗО и промышленные предприятия в сентябре 1943 г. вводятся ежемесячные отчёты о количестве направленных в перечисленные учреждения подростков. Начало работы детских комнат милиции с середины 1944 г. было связано с введением новых форм учёта доставляемых туда детей. На каждого ребёнка заполнялась регистрационная карточка установленного образца. С августа 1944 г. имущество поступивших в детский дом воспитанников, если таковое имелось, директор обязан был принимать по описи.

После войны в стране проводится паспортизация детдомов. С 1947 г. вводится обязательная статистическая отчётность работы за год дошкольных учреждений и квартальные отчёты областей об устройстве детей, оставшихся без родителей. Однако и в этот период на местах отмечается неудовлетворительная отчётность в детских домах. С середины 1949 г. персональный учёт в Отделе МВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и в трудовых колониях стал вестись по единой учётной карточке.

К концу 1940-х гг. в детских приёмниках–распределителях и детских домах был налажен достаточно информативный и строгий учёт и отчётность. Наблюдались сложности в организации такой же системы фиксирования данных для домов ребёнка до 3-х летнего возраста. С целью ликвидации создавшегося положения, в марте 1949 г. ЦСУ СССР проводит по всей стране единовременный сплошной учёт домов ребёнка.

Таким образом, процесс сбора данных о беспризорниках был настолько сложным и неоднозначным, что система единого статистического учёта и отчётности была выработана только к концу изучаемого периода.

Тема третьего параграфа – «**Полнота и достоверность источников по детской беспризорности**». Изучение истории детской беспризорности и безнадзорности рассматриваемого периода базируется на разнообразных по информативности, достоверности и полноте источниках. При написании диссертации использованы документы и материалы 76 фондов, сосредоточенные в 21 государственном архиве, центрах хранения документации и музеях: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ), Государственный архив Орловской области (ГАОО), Государственный архив Свердловской области (ГАСО–(Св.)), Государственный архив Тверской области (ГАТО–(Тв.)), Государственный архив Тюменской области (ГАТО–(Тюм.)), Национальный архив Республики Коми (НА РК), Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ), Центр документации общественных организаций новейшей истории Свердловской области (ЦДООСО), Тверской государственный объединённый историко-архитектурный и литературный музей и др. Наряду с неопубликованными архивными документами широко привлекаются опубликованные источники. Среди них – различные комплексы информационных материалов.

Прежде всего, это нормативно-правовые документы (законодательные ак-

ты, циркуляры, постановления и др.), хранящиеся в архивах или опубликованные в многотомных изданиях. В них сосредоточены многочисленные сведения, раскрывающие государственную политику в отношении охраны детства: борьбу с голодом, упразднение старых и создание новых детских учреждений, в том числе единой трудовой школы. Они явились основой для анализа процессов формирования системы государственных и общественных организаций, непосредственно занимавшихся проблемами беспризорности в рассматриваемый период, изучения нормативно-методического обеспечения деятельности детских учреждений.

В приказах НКВД СССР и РСФСР содержится важнейший материал о методах борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в различные временные промежутки, регламентируется работа детских приёмников-распределителей, детских трудовых и трудовых воспитательных колоний.

Специальную группу составляют постановления, резолюции съездов и конференций, посвящённые борьбе с беспризорностью, работе с малолетними правонарушителями. В них оценивается ситуация с беспризорностью, раскрываются мероприятия по её ликвидации, намечаются дальнейшие пути в области воспитания беспризорных детей. В качестве отдельного вида источников в работе привлекаются труды и выступления руководителей Коммунистической партии и Советского государства (В. И. Ленина, И. В. Сталина, Н. К. Крупской, Ф. Э. Дзержинского, А. В. Луначарского и др.). Их изучение даёт возможность не только охарактеризовать роль политических и государственных лидеров в решении проблем детской беспризорности, но и акцентировать внимание на наиболее важных процессах в изучаемой проблеме в тот или иной исторический отрезок.

Особой информативностью отличается делопроизводственная документация, отложившаяся в архивных фондах или частично опубликованная. К ней относятся различного рода протоколы заседаний местных государственных органов и общественных организаций, отчёты, справки, докладные записки о материальном состоянии детских учреждений, характере питания воспитанников, наличии библиотечных фондов и др. Они позволяют охарактеризовать общее и особенное в деятельности конкретных детских учреждений, выявить положительные стороны и вскрыть проблемы, которые приходилось преодолевать государственным структурам и первичным учреждениям.

Значительная роль в исследовании темы отводится статистическим источникам, как первичным, хранящимся в архивах, так и опубликованным в статистических сборниках. К наиболее информативным относятся материалы обследования беспризорных и безнадзорных детей, проводимые статистическими органами, годовые отчёты детских домов. Обследования беспризорников явились основой для формирования специализированной базы данных. Статистические сведения наиболее широко отражают общероссийскую и региональную проблематику конца 1930-х – начала 1950-х гг. Отдельная группа источников представлена результатами обследований, опросов и проверок детских учреждений и содержащихся в них воспитанников, организованных официальными органами и общественностью. Они дают возможность проанализировать

положительные тенденции в процессе ликвидации детской беспризорности, вскрыть многие проблемы и нерешённые вопросы.

Существенную помощь в исследовании оказали материалы опубликованных документов по репрессивной политике Советского государства. Особо следует выделить два тома из серии многотомной документальной публикации «Россия. XX век. Документы» под редакцией академика А. Н. Яковлева, посвящённые детям ГУЛАГа (1918–1956 гг.) и ГУЛАГу в целом. Сюда же следует отнести 7-томное издание документов «История сталинского Гулага. Конеч 1920-х–первая половина 1950-х гг.». В них сосредоточены архивные источники официального характера и личного происхождения, позволившие выделить основные тенденции в процессе ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, а также получить разнообразный фактический материал.

Важная источниковая информация сосредоточена в центральной и местной периодической печати. В работе использованы публикации газет («Правда», «Российская газета», «Уральский рабочий», «Учительская газета» и др.) и журналов («Народное просвещение», «На путях к новой школе», «Вопросы просвещения», «Красная новь», «Вожатый», «Наш труд», «Детский дом», «Вестник просвещения», «На культурном посту» и др.). В них обсуждались законопроекты о беспризорничестве, печатались фактические данные, иллюстрирующие процесс реализации конкретных мероприятий по ликвидации детских правонарушений, и т. д.

Важнейшим видом источников стали материалы мемуарного характера. Это отрывки из дневников воспитателей, воспоминания руководителей и педагогов детских учреждений, автобиографии и воспоминания бывших беспризорников. Они отражают жизнь детей в условиях беспризорности и в детских учреждениях, методику работы с ними в процессе социальной адаптации детей к нормальной жизни.

При изучении темы были использованы интернет-ресурсы, выявлено около 60 сайтов, содержащих аналитическую информацию, статьи и очерки мемуарного характера, отдельные документы по беспризорности.

Как можно заключить, выявление комплексов источников по истории беспризорного и безнадзорного детства в архивных фондах и документальных публикациях показало наличие обширной информационной базы, позволяющей всесторонне раскрыть проблему детской беспризорности.

Вторая глава диссертации – «Социальный облик детей, оставшихся без попечения родителей». В ней анализируется динамика численности и состава этой социальной группы, а также сложнейшие условия жизни ребёнка вне семьи. В результате были охарактеризованы основные циклы возрастания и спада численности беспризорников, которые были непосредственно связаны с конкретными причинами беспризорности и методами ликвидации последней.

Параграф первый - «Изменение численности и состава беспризорных и безнадзорных детей». До конца 1920-х гг. термины «беспризорный» и «безнадзорный» ребёнок означали единую социальную категорию. В условиях, когда все обязанности по воспитанию детей предполагало взять на себя государство, такая ситуация являлась вполне закономерной.

В этот период происходит резкое снижение показателей численности беспризорников: с 4,7 млн детей в 1921 г. – до 2,6 тыс. ребят в 1928 г., что позволило некоторым политикам сделать вывод о возможности полной ликвидации детской беспризорности (особенно уличной) в ближайшее время. К началу 1930-х гг. уличная беспризорность в крупных городах действительно сводится к минимуму. Наибольший эффект в уменьшении численности беспризорных детей был связан с ужесточением методов решения проблемы беспризорности за счёт репрессивных мер (отправка беспризорников в детские колонии и лагеря для взрослых). Тогда беспризорники перемещались в малые города и сельские регионы, где легче было скрыться от представителей властных структур. Наряду с этим, государством был использован ещё один приём: беспризорники, имевшие родственников, но порвавшие с ними связь, стали принудительно направляться не в детские учреждения, а к родным, независимо от желания и возможностей обеих сторон. В связи с этим, «дети улицы» начали подразделяться на беспризорных и безнадзорных детей. Всё это в свою очередь способствовало сокращению численности беспризорных детей. Но такой эффект был краткосрочным, поскольку основная масса детей вновь убегала из-за плохих условий проживания в семье.

Численное преобладание мальчиков в конце 1920-х гг. среди беспризорников объясняется тем, что девочкам, оказавшимся вне своей семьи, легче было найти работу, например, «в нянках». Мальчики преимущественно нанимались пастухами, но такие возможности появлялись у беспризорника крайне редко. В силу сложного характера беспризорного ребёнка, особенно в подростковом возрасте, мальчики быстрее, чем девочки, старались «выйти в самостоятельную жизнь», не терпели от взрослых поправок и телесных наказаний. По возрастному составу среди беспризорников были в основном представлены все возрастные группы в диапазоне от 8–9 до 18 лет. Наибольшее число составили дети 14 лет. Основная масса родилась в сельской местности.

С началом раскулачивания количество беспризорных детей увеличивается. Только в одном 1932 г. сотрудниками угрозыска было выявлено более 18 тыс. беспризорников. Снижение численности беспризорных детей к середине 1930-х гг., а также предстоящий 20-летний юбилей Советской власти, дали возможность вновь выдвинуть лозунг об окончательной ликвидации детской беспризорности в 1934 г. Около половины беспризорных детей в этот период не имели родителей и бежали из деревни. Среди них теперь встречались и дети ответственных советских и партийных работников. Число беспризорных детей пополнялось за счёт массового бегства воспитанников из детских домов и приёмных семей из-за неудовлетворительных условий проживания.

В связи с развёртыванием политических репрессий, с 1936 по 1938 гг. вновь наблюдается рост численности беспризорных детей: с 156,0 тыс. до 175,0 тыс. Однако эти данные отражают численность только тех детей, которых в этот период за безнадзорность задержала милиция. Не вошло в данный показатель и количество арестованных детей репрессированных родителей и детей-сирот, находящихся на спецпоселении. В сведениях этого времени деление детей на беспризорных и безнадзорных было обязательным, в связи с продол-

жающей отправкой последних к родственникам. Что касается детей «врагов народа», то за период с 15 августа 1937 г. по конец января 1939 г. всего по стране насчитывалось 25 342 таких ребёнка. Дети жён «врагов народа» были чаще всего детьми партийных и советских работников, руководителей промышленности и сельского хозяйства, деятелей науки, культуры и образования.

К концу 1930-х гг. численность беспризорников существенно снижается. Возросло количество безнадзорных и осуждённых за совершение преступлений несовершеннолетних. Значительное число детей в возрасте до 4 лет – 9,4 тыс. человек содержались, по данным на 19 апреля 1941 г., вместе с осуждёнными матерями в исправительно-трудовых лагерях и колониях. В целом же, во многих работах приводится показатель – около 7 млн беспризорников в 1930-е годы.

Великая Отечественная война расширила категорию «беспризорный ребёнок» за счёт детей-сирот войны и детей репрессированных родителей. Среди детей, оставшихся без родительской опеки, большее число составляли безнадзорные, а не беспризорные. К концу войны в России насчитывалось 678 тыс. детей, оставшихся без родителей, из них 278 тыс. содержались в приёмных семьях на условиях патроната. Более 20 тыс. детей-сирот стали сыновьями и дочерьми полков. Число беспризорных детей в годы войны увеличивалось и в условиях ссылки и спецпоселений: всего был учтён 2 971 беспризорный ребёнок.

В 1947–1948 гг. наблюдается новый всплеск репрессий и параллельно – численности беспризорных детей. В детские приёмники-распределители в этот период попало около 0,5 млн беспризорников. Часть несовершеннолетних по приговорам судов поступила в трудовые и трудовые воспитательные колонии: в 1947 г. – 59 659 человек, в 1948 г. – 31 680 человек, в 1949 г. – 26 679 человек. Максимум приходится на 1947 г. К началу следующего десятилетия численность беспризорников снижается.

«Условия жизни беспризорного ребёнка» рассматриваются во втором параграфе. Ситуация, в которую попадал беспризорник, вызывала у него постоянную настороженность и недоверие к окружающим. Состояние здоровья детей, в силу их условий существования, нередко было крайне тяжёлым. Различного рода трущобы и вокзалы, в которых обитали беспризорники, не позволяли властям и общественникам вовремя пресекать данный порок. Часто дети концентрировались рядом с рабочими казармами и солдатскими кухнями. Беспризорным детям старались помочь посторонние люди, случайные прохожие. Крайне незначительной была помощь от Детской комиссии и родственников. У государства не хватало средств, а родственники – сами голодали. Жизнь детей в таких условиях существенно осложняла их социальное, умственное и физическое развитие.

Беспризорные дети спецпереселенцев не только бежали от голода в связи со смертью родителей, но зачастую административные органы их просто не забирали, поскольку отсутствовали места в детских учреждениях. Чем раньше ребёнок становился беспризорным и безнадзорным, тем ниже была его грамотность и интеллект. Нарушалось право ребёнка на духовное развитие. Инстинкт

тивно безнадзорные дети пытались восполнить это, концентрируясь в местах, где можно заработать или украсть, объединяясь в коллективы.

Беспорядочность явилась причиной не только воровства, но и пьянства, и наркомании среди детей. Большинство беспорядочников, особенно младшего возраста, не столько понимало, сколько чувствовало ненормальность своего существования. Они тяготились своим положением и старались найти выход, чаще всего – в криминальном мире. Часть детей самостоятельно обращалась в соответствующие детские учреждения и нередко получала отказ в помощи.

Во второй половине 1930-х гг. существенно увеличивается число беспорядочных и безнадзорных детей, осуждённых судебными органами. Наибольшее число детей, имеющих судимость, падает на 1938 г. Массовость побегов из детских колоний несла и преступную идеологию среди беспорядочников, не побывавших в таких учреждениях и не общавшихся с уголовниками. Широкое распространение лагерная идеология получала среди беспорядочников, имевших большой стаж пребывания в колониях или лагерях. Многие беспорядочники, осиротевшие в результате репрессивной политики Советского государства, смерть родителей пережили в условиях беспорядка – ссылки, спецпоселений, детских колоний и лагерей. Дети обитали среди таких же беспорядочных, как они сами, и считали, что их родители виновны перед государством. Дети репрессированных родителей оказывались в несколько иной ситуации. Подростки официальными органами и общественностью сразу причислялись к врагам народа, у малышей всячески стирали память о родителях. Стаж беспорядочности у них, как правило, был незначительный – до одной недели.

Тяжёлым было пребывание детей-сирот на оккупированной территории. Приходилось нищенствовать, даже если они проживали в приютившей их семье. Дети познали горе, сиротство, страх, но и помощь от чужих людей.

После войны причины задержания беспорядочных и безнадзорных детей остаются примерно теми же, что и в предыдущие годы – пребывание на улице в неустановленное время, торговля на рынке, нарушение общественного порядка и правил уличного движения, нищенство, хулиганство и др. Меняется только процентное соотношение. Среди задержанных детей преобладают безнадзорные дети, которые сразу же направлялись родителям или лицам, их заменяющим. Максимальный срок беспорядочности ребёнка в среднем составлял от 2 до 5 лет.

Высокой среди беспорядочников была и смертность из-за голода, нечеловеческих условий – холода, грязи, вшей, заболеваний. Детская трагедия наталкивалась и на извращённое обывательское сознание, формировались новые ценности антигуманного характера.

В третьей главе «Причины детской беспорядочности и безнадзорности» анализируются социальные корни детской беспорядочности и безнадзорности в России в зависимости от социально-экономической и политической ситуации в стране. В основу раскрытия данной проблемы положен анализ сложнейших событий, возникших в связи с войной, голодом, репрессивной политикой Советского государства, крайне негативно повлиявших на структуру семьи и положение ребёнка.

Параграф первый – «Влияние политической и социально-экономической ситуации в стране на детскую беспризорность и безнадзорность в конце 1920-х–1930-е гг.». Основные причины, по которым ребёнок становился беспризорным в конце 1920-х гг., были связаны в первую очередь с репрессивной политикой Советского государства. Отдаленные последствия Первой мировой и Гражданской войны на тот период не играли решающей роли. Многие дети, пострадавшие от потери родителей в первые годы Советской власти, к концу 1920-х гг. стали совершеннолетними или находились в детских учреждениях.

Отрицательно на судьбе взрослых и, как следствие, многих детей отразилось введение в Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. статей 58/1 – 58/18 «Контрреволюционные преступления». Большая часть статей влекла за собой расстрел и конфискацию всего имущества. К контрреволюционным преступлениям относилась даже неуплата налогов и невыполнение повинностей.

Активно продолжала использоваться такая мера наказания, как лишение избирательных прав, введённая ранее Конституцией РФ 1918 г. Лишение избирательных прав кормильца автоматически причисляло к «лишенцам» всех материально зависимых от него членов семьи. «Лишенцы» не имели возможности занять какую бы то ни было должность, а также учиться в средних специальных или высших учебных заведениях. Чаще всего такие люди попадали в число безработных с записью «уволен как лишенец». При наличии работы, труд «лишенцев» оценивался по самым низким расценкам. Они не получали никаких пособий, не могли претендовать на пенсию и пособие по безработице, компенсации за жильё и питание, вознаграждение за сверхурочную работу. «Лишенцы» не были включены в систему снабжения продуктами и потребительскими товарами. Избирательные кампании в стране до 1931 г. проводились ежегодно, поэтому число семей и детей «лишенцев» было значительным, и они нередко попадали в положение беспризорных или безнадзорных детей.

Советская идеология обострила проблему «отцов и детей». Всячески пропагандировалась и поддерживалась идея борьбы с врагами народа и доносительства, вплоть до отказа детей от родителей и наоборот. Нарушаются семейные устои. В этом случае нередко наблюдался добровольный уход детей от своих родных. Одной из постоянных причин беспризорности оставался «рецидив». Многие дети и подростки оказывались на улице не только в результате расформирования детдомов, но и бежали из них из-за голода, плохих условий, под влиянием сверстников и др.

Экономическое развитие СССР в конце 1920-х–1930-е гг. было связано с выполнением первых трёх пятилетних планов развития народного хозяйства страны и реализацией задач индустриализации и коллективизации. Освоение новых районов, строительство огромного числа промышленных объектов, прокладка новых железнодорожных путей и дорог и т.д. требовали значительного увеличения численности трудовых ресурсов. Решить данную проблему предполагалось за счёт деревни. Наряду с этим, возродить сельское хозяйство руководство страны намеревалось путём создания колхозов.

К маю 1930 г. в стране было раскулачено более 320 тыс. хозяйств. Это сопровождалось крестьянскими бунтами и восстаниями, которые жестоко подавлялись властями. Участники арестовывались, дети сиротели. В начале 1930-х гг., в связи со свёртыванием НЭПа, завершается кампания по искоренению «частного предпринимательства». За короткий срок, 2–3 года, было репрессировано около 1,5 млн торговцев и членов их семей, чьи дети оказались на улице. О количестве привлечённых к уголовной ответственности должностных лиц низового советского аппарата в ходе хозяйственно–политических кампаний можно судить по следующим данным: в январе 1931 г. в РСФСР (без автономных республик) было осуждено 3 541 должностное лицо, феврале – 3 609, марте – 5 621.

Во втором квартале 1931 г. повышаются цены на промышленные товары, при этом снижается уровень жизни населения. Негативно на положении ребёнка сказалось введение в 1928/29 г. карточной системы распределения продовольствия, а затем, с середины 1931 г. – промышленных товаров, просуществовавших до середины 1930-х гг. Централизованное снабжение предполагало только для «трудящегося населения» и членов их семей, но полностью исключало «лишущих». Государственная торговля и колхозный рынок из-за дороговизны многим семьям были недоступны. Продолжали свирепствовать эпидемии, начавшиеся в начале 1920-х гг. из-за плохих экономических условий жизни населения, недостаточной медицинской помощи.

1 февраля 1930 г. началось массовое выселение крестьянских семей. Раскулачивание и выселение сопровождалось падением сельскохозяйственного производства. В конце 1932 г. начался голод, особенно тяжёлым он был в хлебобородных районах. Людские потери от голода оцениваются в среднем в 3–4 млн, в 7–8 млн человек, или даже в 7,2–10,8 млн человек. Голод и тяжёлое положение в стране негативно сказались на основной массе населения, в том числе воспитанниках детских учреждений. Тогда государство ужесточает борьбу с любыми хищениями. К началу 1933 г. в местах поселения находилось 1 317 000 кулаков. В это число входили и взрослые, и дети. С целью предотвращения любой критики и неподчинения со стороны административного персонала всех уровней до 1934 г. продолжались чистки советского и партийного аппарата, начатые ещё в 1920-е годы.

Происходит реформирование репрессивной системы. Число исправительно-трудовых лагерей постоянно возрастало, высокой была и смертность среди заключённых, их дети становились сиротами. В августе 1933 г. вводится ещё один вид наказания – исправительно-трудовые работы без лишения свободы. Они отбывались по месту основной деятельности (если срок назначался до 6 месяцев), или на работах, организуемых исправительно-трудовыми органами на промышленных предприятиях или в сельскохозяйственных колониях. Это негативно отразилось на экономическом положении оставшихся членов семьи, прежде всего – детей, которые в поисках пропитания вынуждены были «идти на улицу».

С июня 1934 г. высшая мера наказания – расстрел или лишение свободы на 10 лет с конфискацией имущества – предусматривалась за шпионаж, выдачу

военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство за границу. Совершеннолетние члены семьи, знавшие и не донёсшие об этом властям, карались лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества. Остальные совершеннолетние члены семьи подлежали лишению избирательных прав и ссылались на 5 лет. Дети отправлялись в ссылку вместе со взрослыми, и вынуждены были переносить все тяготы ссыльной жизни, либо оказывались на улице без средств к существованию.

Огромная масса детей пополнила ряды беспризорников в 1937–1938 гг., когда были арестованы многие партийные и советские работники, руководители предприятий, специалисты – всего около 7 млн человек. Кампания борьбы с вредительством практически затронула все отрасли народного хозяйства. В конце июля 1937 г. начинается операция по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. С 5 августа 1937 г. до середины ноября 1938 г. (время действия приказа) было осуждено не менее 800 тыс. человек, половина из которых была приговорена к расстрелу. Крайне негативно на судьбе детей сказались репрессии членов семьи «изменников Родины». Жёны осуждённых подлежали заключению в лагеря на срок не менее 5-8 лет, а дети осуждённых – заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД. По неполным данным, было репрессировано свыше 18 тыс. жён арестованных.

Тяжёлая судьба выпала и на долю детей из депортированных семей. В октябре 1939 г. начинается выселение из Литвы, Латвии и Эстонии. Главы семей арестовывались и помещались в специальные лагеря, а их семьи переселялись в отдалённые районы. В декабре 1939 г. из западных областей УССР и БССР депортируются «осадники» – военнослужащие польской армии, чины полиции и администрации бывших польских территорий. Семьи осадников, включая детей, во время переселения испытали те же тяготы, что и семьи раскулаченных–спецпереселенцев. С 10 февраля по апрель 1940 г. было переселено 139 596 человек.

Отрицательно на судьбе многих детей отразился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г. Прогульщики стали привлекаться к судебной ответственности. Аресты, увеличение рабочего дня и рабочей недели способствовали детской безнадзорности. Только за второе полугодие 1940 г. по данному Указу было осуждено 1 688 526 граждан, из них за прогулы – 1 435 247 человек.

Второй параграф – «Великая Отечественная война и послевоенная социально-экономическая политика». Детское сиротство явилось в этот период следствием немецко-фашистской агрессии и репрессивной политики Советского государства. Война повлекла за собой огромные людские потери: убитыми, умершими в госпиталях, попавшими в плен и пропавшими без вести. Общие потери страны, по уточнённым современным данным, составили 26,6 млн человек, боевые потери – почти 8 700 тыс. Огромны были жертвы среди мирного населения, оказавшегося в оккупированных районах. На территории

РСФСР немецко-фашистскими захватчиками было преднамеренно истреблено почти 1,8 млн мирных граждан, насильственно угнано на принудительные работы в Германию и другие страны 1 906 661 человек, многие из которых погибли в фашистском плену. С первых месяцев войны численность беспризорных и безнадзорных детей увеличивается и из-за потери родителей во время эвакуации.

Вторая мировая война отличается огромной численностью военнопленных. В немецком плену оказалось 5,7 млн советских солдат, офицеров и генералов, из них 3,3 млн умерло от расстрелов, голода, болезней и др. По другим подсчётам, в плену оказалось 6,3 млн, из них умерло – 3,9 млн человек. Несмотря на эвакуацию детей-сирот из оккупированных районов, немцам удалось вывести ряд детских домов на немецкую территорию. Значительно ухудшились условия жизни людей в тылу, что было связано с нехваткой продуктов питания. Особенно тяжёлым было положение детей.

22 июня 1941 г. – трагическая дата, связанная с началом Великой Отечественной войны. Но с этого дня ещё и прекращалось освобождение заключённых из лагерей, тюрем и колоний. До конца войны в лагерях и колониях было задержано 17,0 тыс. заключённых, отбывших сроки наказания. Рушились все надежды на воссоединение семей и улучшение условий жизни детей. В июле 1941 г. начинается выселение «социально опасных элементов» с территорий, объявленных на военном положении. К 15 октября в восточные районы страны было депортировано 749 613 советских немцев. Многие семьи пострадали в результате создания трудармий. В них попадало всё мужское население в возрасте от 17 до 50 лет из числа титульных наций государств, с которыми Красная Армия вела бои в годы Второй мировой войны: немцев, финнов, венгров, поляков, румын, болгар и др. Дети от 3 до 16 лет лишались родительской опеки и оставались с немобилизованными родственниками, направлялись в детские дома или пополняли ряды беспризорников.

Общее число заключённых, содержавшихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, к началу войны составляло 2,3 млн человек. По состоянию на 1 июля 1944 г., в системе ГУЛАГа НКВД находилось 56 исправительно-трудовых лагерей, в состав которых входило 910 отдельных лагерных подразделений, 424 исправительно-трудовые колонии и 1 549 городских и районных инспекций исправительно-трудовых работ. 19 апреля 1943 г. вводятся каторжные работы сроком от 15 до 20 лет по отношению к пособникам врагу, шпионам и изменникам Родины. На практике сюда же причислялись и участники национальных движений (ОУН–УПА). На 1 января 1944 г. в лагерях находился 981 каторжанин, через год численность каторжан увеличилась до 12,2 тыс. Остальные 9,8 тыс. каторжан находились в тюрьмах и на пересыльных пунктах. Их дети лишались основного кормильца.

В декабре 1943 г. началось выселение из Калмыкской АССР. На 10 февраля 1944 г. было выслано 92 983 калмыка. Детей до 16 лет среди них было почти 47% от общей численности. Параллельно шло выселение калмыков из других регионов страны. Начались сопротивление, аресты и расстрелы. В 1944 г. депортации подверглись крымские татары, греки, болгары и армяне. Одно-

временно выселялись болгары, греки и армяне; всего 38 309 человек. В конце войны начинается массовое выселение семей литовцев, латышей и эстонцев.

После окончания войны репатрируемые советские граждане, подвергались тщательной фильтрации. Регистрацию и проверку проходили не только мужчины и женщины от 16 лет и старше, но и дети до 16-летнего возраста, попавшие с родителями и родственниками за границу. На 1 марта 1946 г. насчитывалось 4 199 488 репатриантов, из них 2 660 013 гражданских и 1 539 475 военнопленных. К месту жительства из них было направлено 57,8%. Остальные зачислялись в рабочие батальоны (14,5%), передавались в распоряжение НКВД (6,5%), а их дети помещались в трудовые колонии. По пути многие бежали и становились беспризорниками.

Отрицательно на положении детей сказался послевоенный голод 1946 / 1947 гг. В стране растут цены, снижается оплата труда и увеличиваются налоги. Положение усугубляется тем, что в 1947 г. правительство отменяет хлебные карточки для более 28 млн сельских жителей. Потери от голода в РСФСР составили более чем 500 тыс. человек. В этих условиях разворачиваются репрессии, в том числе против председателей колхозов и «расхитителей» зерна. Было осуждено более 10 тыс. руководителей колхозов. Репрессивный механизм ещё более усиливается в связи с созданием в начале 1948 г. особых лагерей МВД СССР. Их узники использовались на предприятиях этого ведомства. Новый поток арестованных, общая численность которых составила 145 тыс. человек, сразу же дал и новый всплеск детского сиротства и детской беспризорности.

Окончание войны вселяло надежду выселенцам на скорое освобождение. Начались массовые самовольные выезды и побег из мест поселения. Тогда в ноябре 1948 г. законодательно закрепляется, что переселение «проведено навечно». За побег определялась мера наказания в 20 лет каторжных работ. На 1 января 1950 г. на учёте МВД состояло 2 572 829 выселенцев-спецпоселенцев, проживающих в различных районах страны. Наряду с людскими потерями, огромными были и материальные потери. Страдали в первую очередь дети.

Четвёртая глава диссертации «Государственная политика ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» посвящена раскрытию сущности российской государственной политики борьбы с беспризорностью с конца 1920-х по начало 1950-х гг. Анализируется роль государственных учреждений и общественных организаций в деле ликвидации детской беспризорности на разных этапах российской истории рассматриваемого периода. Значительное место отводится изучению законодательства по данной проблеме, его становления и развития.

Теме **«Политика борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в конце 1920-х–1930-е годы»** посвящён **первый параграф**. К концу 1920-х гг. руководство страны по отношению к беспризорникам вновь возвратилось к методам «чрезвычайщины». Реальные достижения Советской страны по борьбе с беспризорностью, которые она пыталась продемонстрировать всему миру, не отражали действительного положения детей. Отсутствие соответствующего законодательства приводило к нарушению прав беспризорных де-

тей, не совершивших преступление. Тогда советские органы срочно принимают циркуляры, согласно которым бродяжничество и беспризорность стало рассматриваться «как преступность, подлежащая немедленному искоренению». В результате происходит полный отказ от идеи перехода к всеобъемлющему государственному воспитанию детей. Напротив, детально обсуждается роль родительских объединений различного типа – от организации небольшого по численности родительского коллектива на небольших предприятиях до создания крупных организаций родителей с сетью различных детских учреждений.

Новый всплеск численности беспризорников с началом раскулачивания и выселения крестьянских семей потребовал вновь обсуждения и решения вопроса на уровне партийных и государственных органов.

В марте 1930 г. была реорганизована Детская комиссия. В условиях свёртывания НЭПа прекращается её торгово-коммерческая деятельность, что сразу же резко снижает уровень финансирования комиссии. Параллельно запрещается любая коммерческая деятельность образцово-показательных детских учреждений. Тем самым была ликвидирована ощутимая возможность самостоятельного дополнительного финансирования. С началом массового выселения крестьянских семей разворачивается создание новых детских домов в местах ссылки. С этого времени все детские дома обычного типа подразделяются на детские дома гражданских организаций и специальные детские дома при спецколониях, в зависимости от основного источника их финансирования.

Для подготовки рабочих кадров в 1933 г. школы ФЗУ индустриального и сельскохозяйственного типа были причислены к местам лишения свободы в качестве учреждений для несовершеннолетних, лишённых свободы. Особо остро ставится вопрос об организации системы патроната и возвращения детей, прибывших из деревень, в колхозы. «Шефы» и советская общественность призывалась к оказанию помощи детдомам. Актуализируется проблема нехватки квалифицированных кадров не только в детских домах, но и в большинстве деткомиссий. Однако здесь никаких реальных мер не предлагалось.

31 мая 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают очередное постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», впоследствии сыгравшее важную роль в определении политики в отношении беспризорных и безнадзорных детей. Были перечислены основные, с точки зрения партии и правительства, проблемы, отрицательно влияющие на процесс ликвидации и предупреждения детской беспризорности. Но ни слова критики не было сказано в отношении репрессивной политики государства. Воспитанники детских учреждений с 14 лет стали направляться в школы ФЗУ, совхозные училища или на промышленные предприятия. Директора предприятий, совхозов и МТС были обязаны не только принять подростков на работу, но и обеспечить их жильём. Для решения финансовых проблем детских учреждений государственные структуры вновь обращаются к прежнему положительному опыту выхода из подобного положения – детским домам стали выделяться земельные участки для разведения огородов и садов, также им было разрешено развитие животноводства. Хозяйственные операции детских учреждений освобождались от всех видов налогообложения. За побеги воспитанников, а также их сокрытие, perso-

нальная ответственность теперь полностью возлагалась на административно-хозяйственный персонал детских учреждений. Однако проверка детских учреждений, проведённая во второй половине 1935 г., показала, что положительная деятельность колхозных касс взаимопомощи встречалась в единичных случаях. Многие сельсоветы и колхозы не оказывали детям-сиротам никакой помощи.

Значительное число беспризорных детей жён «изменников родины» ещё более ухудшило и без того сложную ситуацию с финансированием, снабжением и перегрузкой детских учреждений. В этих условиях руководители детдомов и трудколоний, а также организаций, отвечающих за их деятельность, обвиняются во вредительстве. Часть детей находилась в лагерях НКВД. По данным на март 1939 г. в них содержалось 759 заключённых в возрасте до 16 лет и 14 251 заключённый, не достигший 18 лет.

Коренным образом меняется структура руководства детскими учреждениями. В мае 1935 г. в НКВД СССР организуется Отдел трудовых колоний (несовершеннолетних), который стал руководить трудколониями для беспризорных и безнадзорных детей, не имевших судимости, а также деятельностью приёмников-распределителей. Упразднились Комиссии по делам несовершеннолетних правонарушителей при Отделах народного образования, и все основные полномочия передаются НКВД.

Режим содержания несовершеннолетних ещё более ужесточился с упразднением в октябре 1940 г. отделов, отделений и инспекций трудовых колоний несовершеннолетних НКВД как самостоятельных структур. Руководство детскими трудовыми колониями полностью переходит в Управление ИТЛ и колоний. Оно возлагается на оперативно-чекистские отделы и отделения Управлений ИТЛ.

Второй параграф – «Роль государства в процессе ликвидации детской беспризорности в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период». С первых месяцев войны вновь обостряется проблема детской беспризорности и безнадзорности. В январе 1942 г. создаются Комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. Расширяется сеть приёмников-распределителей для размещения в них всех выявленных безнадзорных детей до 15 лет включительно. Успешная реализация патроната для беспризорных и безнадзорных детей была возможной благодаря особым патриотическим устремлениям советских людей в условиях военного времени. Для бездетных семей такой патронат становится обязательным.

Рост численности беспризорных детей и, в очередной раз, нехватка мест для их «изъятия» с улиц, потребовали расширения сети детских учреждений. 15 июня 1943 г. выходит постановление СНК СССР № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». Наряду с уже действующими трудовыми колониями стали организовываться новые трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей, уличённых в мелком хулиганстве или незначительном преступлении. Продолжительность содержания в трудовых воспитательных колониях устанавливалась до 16-летнего возраста. Срок содержания определялся временем до получения ими определённой квалификации, дающей возможность самостоятельно

го существования. Руководство деятельностью трудовых воспитательных колоний НКВД возлагалось на Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Для наиболее одарённых детей было принято решение об организации специальных трудовых воспитательных колоний НКВД. С конца декабря 1943 г. в штат трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних вводится должность комсорга ЦК ВЛКСМ.

Несмотря на постоянный контроль за деятельностью детских учреждений и принятие соответствующих нормативно-правовых актов, положение воспитанников большинства детских учреждений оставалось крайне сложным, особенно в колониях для осуждённых подростков. Наряду с неудовлетворительным состоянием детских домов и колоний очередные проверки выявили негативную ситуацию и с получением производственной квалификации воспитанников колоний, которые при выходе из них практически не имели специальности. Для решения этой проблемы предполагалось пересмотреть профиль производства детских колоний. Впервые был поставлен вопрос о специализации колоний на конкретных видах производства.

В середине 1944 г. создаётся новая административная структура – Детская комната милиции. Детские комнаты должны были разгрузить работу детских приёмников–распределителей, которые не успевали принимать и распределять детей к родственникам и в детские учреждения. На прокуроров возлагается надзор за исполнением законов о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, а также детской преступностью в целом. Им вменяется также надзор за местами заключения для несовершеннолетних.

В начале 1950-х гг. очередные проверки заменяются инспекторскими смотрами трудовых воспитательных колоний. По результатам смотров для каждой колонии разрабатываются мероприятия, обеспечивающие улучшение учебно-воспитательной работы, производственного обучения и др. На государственном уровне открыто признавалось, что в РСФСР всё ещё имеются факты детской беспризорности. Но в целом ситуация с детской беспризорностью и безнадзорностью в стране постепенно нормализовалась и была управляема.

Пятая глава диссертации, «Система функционирования детских домов», посвящена изучению роли данных учреждений в социализации беспризорного и безнадзорного ребёнка. Анализ закономерностей и особенностей деятельности детских домов, изменений их организационной структуры, системы финансирования, материального обеспечения и др., позволил выявить множество проблем, с которыми сталкивались эти детские учреждения, а также показать пути их решения.

Первый параграф – «Особенности работы детских домов в конце 1920-х – 1930-е годы». Одним из основных учреждений, куда попадал беспризорный ребёнок, являлся детский дом. В 1928 г. в России (без автономных республик) функционировало 1 833 таких домов, в которых находилось 145 800 воспитанников. По сравнению с предыдущим годом сеть детдомов была сокращена на 18,8%, а контингент – на 22,2%.

В условиях экономических трудностей в 1929 – 1930 гг. проводится организационно-финансовая реформа. Суть её заключалась в том, что часть детских

домов была прикреплена к заводам, часть – к совхозам. В этих случаях детские дома снимались с государственного финансирования. К концу 1920-х гг. довольно часто наблюдалось ещё одно негативное явление – пребывание в детских домах подростков от 17 до 20 лет и даже выше. Многие детдома были переведены в худшие помещения, которые находились в антисанитарном состоянии. Совершенно недостаточными были выделяемые местными исполкомами нормы расходов на питание, обмундирование и учебно-хозяйственные нужды.

В начале 1930-х гг. государство не было готово к принятию новой массы беспризорников и оперативному решению проблемы. С целью улучшения механизма финансирования и управления детскими учреждениями в 1930 и 1931 гг. была реорганизована сеть детских городков, которые преобразуются в более мелкие по численности воспитанников (детдома по возрастному принципу). Каждый из них сразу же прикреплялся к школе и производственному объекту.

Особо остро для детских учреждений стояла кадровая проблема. При низкой зарплате и сложности воспитанников наблюдалась постоянная текучесть персонала. Среди обслуживающего персонала детдомов нередко встречались случайные люди. Тогда местные власти вынуждены были в качестве преподавателей и воспитателей использовать спецпереселенцев. Среди бывших крестьян специалистов соответствующего профиля не было, и с детьми работали люди, далёкие от педагогики. Для организации и функционирования детдомов и школ в условиях спецссылки производились ежемесячные 2-процентные отчисления из зарплаты спецпереселенцев. Нерегулярная выдача зарплаты, задержка выплат в адрес РОНО были основной причиной того, что до школ эти средства не доходили. Рост численности детдомов и увеличение мест в них не успевало за ростом численности беспризорных детей.

Одной из экстренных мер по разгрузке детдомов стала передача детей родителям, если таковые имелись. Возвращение воспитанников родителям в условиях голода приводило к тому, что ребёнок опять оказывался на улице и вновь пополнял ряды беспризорников.

Положение детских домов ещё более усложняется после того, как в них стали передаваться дети репрессированных родителей. Теперь решение проблемы кадрового обеспечения стало возможным за счёт привлечения репрессированных, многие из которых имели специальную педагогическую подготовку. Власть вынуждена была использовать заключённых в качестве педагогов и воспитателей, всячески подчёркивая тревожность данной ситуации, необходимость агентурного контроля за их поведением и пресечения любых антисоветских намерений или действий. Кроме того, на руководящую работу в детские дома и трудколонии было направлено 200 коммунистов и 500 комсомольцев.

Очередные проверки детдомов в первой половине 1936 г. вновь показали тесноту и перегруженность помещений, постоянные перебои в снабжении и т. д. Работа шефствующих над ними организаций и предприятий была оценена как слабая. В условиях дефицита бюджетных ассигнований на социальную сферу, недофинансирование наблюдалось и в последующее время. Тяжёлое положение детдомов официально объяснялось последствиями вредительства. В печати разворачивается идеологическая кампания по раскрытию контрреволю-

ционных вредительских дел. Следствием становится массовое увольнение директоров, на их место приходят непрофессионалы. На деле же основное внимание государственных органов в 1930-е годы было сосредоточено на выживаемости детдомов, улучшении их финансового и материального положения, но не на методиках воспитания и обучения беспризорных детей. Отличие системы функционирования детских домов в этот период от предыдущего десятилетия состояло в специфическом контингенте воспитанников: дети раскулаченных-спецпереселенцев и репрессированных. Ужесточается режим пребывания ребёнка в детдомах, исчезают любые формы самоуправления. При этом открываются особые дома для детей иностранцев, в которых условия проживания детей существенно отличаются от обычных детдомов в лучшую сторону.

Параграф второй - «Детские дома в условиях военного и послевоенного времени». В первые месяцы войны в связи с экстренной эвакуацией детей из прифронтовых и фронтовых районов страны возникает острая необходимость в размещении детей в детдомах, расположенных в тылу. Начинается уплотнение и без того переполненных детских домов, численность воспитанников в них увеличивается в среднем в 2–3 раза. Спешно открываются новые детские дома.

Война ещё более усложнила положение детдомовцев. Недостаточное медицинское обслуживание в детдомах резко ухудшилось вследствие мобилизации медицинских кадров на фронт, снизились нормы питания, увеличилась заболеваемость и смертность среди детей. Для разгрузки детских домов в 1942 г. было разрешено проведение набора детей от 14 лет и выше в школы ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища. Остальных детдомовцев старше 14 лет Наркомпросы республик обязаны были направить на работу в промышленность и сельское хозяйство. В условиях тяжёлого экономического положения в стране, обострившегося из-за войны, правительство вновь прибегает к уже апробированным методам снабжения за счёт расширения подсобных хозяйств.

После освобождения советских территорий от фашистских захватчиков там срочно открываются специальные детские дома для сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов. Создаются и так называемые «индивидуальные детские дома». Инициаторами их открытия выступали предприятия, колхозы и совхозы, которые брали на себя содержание таких учреждений. Их материальное положение и снабжение было несколько лучше, чем в детдомах. В 1944 г. в детских домах находилось 534 тыс. воспитанников. К концу войны количество детдомов в ряде регионов сокращается в связи с уменьшением численности беспризорных и безнадзорных детей. Нормальному функционированию детских домов, даже специальных, препятствовало постоянное недофинансирование. Теперь дети бежали из них не только из-за неудовлетворительных условий проживания, но и в поисках своих родителей.

После войны детдомам выделяются бюджетные ассигнования на строительство дополнительных корпусов и ремонт старых. К концу 1945 г. было открыто 120 новых детдомов для 17 тыс. детей. За счёт колхозов в этот период содержалось 4 тыс. детдомов, положение которых начинает улучшаться только с 1946 г., хотя и существовало множество проблем. В связи с увеличением чис-

ленности беспризорных и безнадзорных детей, начиная с 1947 г. вновь значительно расширяется сеть детских домов, открываются новые и реконструируются действующие.

Отличительной особенностью воспитательной работы в детдомах второй половины 1940-х гг. является возрастание роли общественного самоуправления в виде общих собраний воспитанников и детских советов. Всё это способствовало укреплению дисциплины, повышению успеваемости, формированию сплочённого детского коллектива. Во всех детских домах этого периода имелись пионерские организации. В конце 1940-х гг. основная масса детских домов в стране находилась на областном бюджете, что также благоприятно влияло на ситуацию. И в начале 1950-х гг. существовало много проблем. Но это были проблемы отдельных детских домов, а не всей системы детских учреждений в целом.

В последней, шестой главе - «Исправительно-трудовые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей» – изучаются изменения в организационной структуре таких учреждений, анализируется состав воспитанников, условия их пребывания и др.

В первом параграфе «Трудовые дома» рассматривается специфика исправительно-трудовых учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. Деятельность таких труддомов в конце 1920-х гг. регулировалась Исправительно-трудовым кодексом РСФСР, принятым ранее, 16 октября 1924 г. Возраст пребывания в них ограничивался с 14 до 16 лет для приговорённых судом к лишению свободы, а также находящихся под следствием и числящихся за судебными и следственными органами. Несовершеннолетние от 16 до 18 лет направлялись сюда только по решению распределительной комиссии. В числе трудновоспитуемых, попадавших в исправительно-трудовые учреждения закрытого типа, были не только малолетние правонарушители, но и те беспризорники, которые относились к числу социально запущенных детей. Таким беспризорникам, как правило, давали срок «До исправления».

В 1929 г. проводится ряд плановых обследований, в результате которых были установлены серьёзные нарушения. Вместе с несовершеннолетними правонарушителями содержались взрослые заключённые, среди которых находились люди, не только совершившие случайные преступления, но и преступники-профессионалы. Наблюдалась и другая тенденция, когда в исправительно-трудовых учреждениях для взрослых содержались несовершеннолетние. Выделяемые Деткомиссией ВЦИК ассигнования на ремонт зданий и на улучшение условий быта заключённых расходовались не по назначению. За счёт кредитов, отпускаемых для нужд несовершеннолетних правонарушителей, содержались взрослые преступники. Причиной скученности мест заключения для несовершеннолетних была и непригодность помещений для такого рода заведений. Неудовлетворительным было питание. Отсутствовало централизованное и бесперебойное снабжение.

Усилиями НКВД и местных исполнительных органов принимаются реальные меры к организации и оборудованию мастерских для подростков. Перед труддомами была поставлена задача вовлечения беспризорников в трудовые

процессы. При этом категорически запрещалось давать профессию кустара или ремесленника. Культурно-просветительная работа рассматривалась в качестве одной из основ режима в местах заключения. Кадровая проблема для исправительно-трудовых учреждений была одной из сложнейших. Неподготовленность обслуживающего персонала к работе с несовершеннолетними правонарушителями, отсутствие навыков воспитательной деятельности негативно сказывались на воспитании подростков.

Происходит резкое сокращение количества трудовых домов. По данным на май 1930 г. в РСФСР функционировало 7 трудовых домов для несовершеннолетних правонарушителей. Но даже в лучших из них сложилась кризисная ситуация. Финансирование трудовых домов и их содержание государством в 1929–1930 гг. частично или полностью перекладывалось на другие организации: промышленные предприятия, совхозы и т. д., которые не выполняли своих обязательств. Наряду с трудовыми домами для несовершеннолетних правонарушителей, более 10 тыс. ребят, по данным на май 1930 г., содержались в общих местах лишения свободы. Это значительно больше, чем находилось в это время в трудовых домах.

Принятие нормативной базы в начале 1930-х гг., регламентирующей деятельность трудовых домов для несовершеннолетних правонарушителей, завершило первый этап становления пенитенциарно-педагогической работы с малолетними преступниками в советском государстве, большинство из которых являлись беспризорниками.

«Детские трудовые и трудовые воспитательные колонии» изучаются во втором параграфе. С принятием нового Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. трудовые дома упраздняются, и начинается формирование новой системы исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних. Организовывались школы фабрично-заводского ученичества особого типа. В колонии направлялись лица от 15 до 18 лет. Основанием для этого являлись приговоры судов, постановления комиссий по делам о несовершеннолетних и других уполномоченных на это органов. Время обучения ограничивалось 3 годами, но не зависело от срока приговора. Если последний завершался до окончания обучения в школе, то он продлевался.

В октябре 1934 г. исправительно-трудовые учреждения передаются во вновь организуемый Отдел мест заключения в составе Главного управления исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР. В ведение НКВД СССР переходят и исправительно-трудовые колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Вводится типизация трудовых колоний НКВД: трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности; трудовые колонии с особым режимом; изоляторы для подследственных в тюрьмах. Трудовые колонии перестают делиться по возрасту колонистов и по признакам социальной запущенности. С этого времени содержащихся в трудовых колониях детей называют воспитанниками или заключёнными в зависимости от того, имели ли они судимость или нет.

Все расходы по колониям предполагалось покрывать за счёт организуемого при каждой из них производства. Членам колонии устанавливалась сель-

ная оплата труда, из которой вычитались расходы на месячное содержание. Таким образом, в течение 1936 г. все трудовые колонии должны были полностью «освободить» государственный бюджет от расходов на их содержание, на деле планы не выполнялись, выпускаемая продукция была низкого качества.

С начала 1938 г. начинается «разгрузка» тюрем и приёмников-распределителей путём передачи из них несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет в трудовые колонии. На 1 февраля в 59 трудовых колониях содержалось 12,5 тыс. несовершеннолетних заключённых, столько же находилось в 158 детских приёмниках. С целью предотвращения побегов и пресечения любой контрреволюционной деятельности с февраля 1938 г. в трудовых колониях разворачивается агентурно-оперативная сеть.

В сентябре 1939 г. Отдел трудовых колоний вошёл в состав ГУЛАГа НКВД как самостоятельное подразделение. Необходимость такого включения мотивировалась важностью объединения руководства воспитанием и трудиспользованием несовершеннолетних заключённых. К началу 1940 г. система трудовых колоний для несовершеннолетних была полностью сформирована. Теперь сюда направлялись осуждённые от 12 до 18 лет, а не от 12 до 16 лет, как было в 1935 г. Слово «самоуправление» из системы воспитания полностью исчезает. В ГУЛАГе в это время функционировало 50 трудовых колоний для несовершеннолетних открытого и закрытого типов. В трудовых колониях открытого типа находились подростки от 12 до 18 лет с одной судимостью, закрытого типа – подростки того же возраста, но имевшие несколько судимостей. В трудовые колонии помещались и подростки, не имевшие судимостей.

В первые месяцы Великой Отечественной войны началась эвакуация и несовершеннолетних заключённых трудовых колоний. В связи со сложностями передвижения (не хватало транспорта, заключённые двигались пешком) многие несовершеннолетние преступники призывного возраста, кроме рецидивистов, стали освобождаться от дальнейшего отбывания наказания с направлением в военкоматы для призыва в армию. С этой целью части из них повышали возраст на 2-3 года. В середине 1943 г., наряду с трудовыми колониями, активно создаётся новый тип колоний – трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей. В эти колонии передаются ремесленные училища, библиотеки и школьные принадлежности. Впоследствии их стали называть детские колонии. Части трудовых воспитательных колоний был придан статус специальных. Для них было установлено улучшенное вещевое довольствие и повышенные нормы питания.

В 1950 г. трудовые воспитательные колонии стали передавать свои подсобные хозяйства в ведение УМВД по областям и краям. Основные функции по финансированию детских колоний полностью выполняло государство, что позволило значительно улучшить условия пребывания воспитанников.

В «Заключении» подведены итоги исследования.

Как показало исследование, на разных этапах рассматриваемого периода в ходе борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью государству удалось решить поставленные задачи сокращения численности беспризорников. При этом достижение целей сопровождалось и ужесточением мер ликвидации

беспризорничества как массового социального явления, что негативно сказывалось на дальнейшей судьбе ребёнка. К концу 1920-х гг., благодаря политике Советского государства, количество беспризорных детей существенно уменьшается, хотя само явление не исчезает. Работа с беспризорными детьми приобретает систематический характер. Несмотря на это, разработка и принятие ряда специальных постановлений, восполнявших недостающую правовую базу, выделение финансовых средств не смогли к этому времени решить проблему окончательно. Не подтверждается и точка зрения о ликвидации детской беспризорности к 1935 г. В первой половине 1930-х гг. начинается новый этап в развитии беспризорничества, связанный с новыми причинами его расширения – раскулачиванием, административными и партийными чистками и др., которые повлекли за собой массовую гибель людей и голод, отсутствие родительской опеки. На следующем этапе, во второй половине 1930-х гг., беспризорность была обусловлена массовыми политическими репрессиями. Наконец, на последних двух этапах – военном и послевоенном, – беспризорность была связана с огромными людскими и материальными потерями в годы Великой Отечественной войны, очередным витком массовых политических репрессий в послевоенный период.

Одной из важнейших причин массовой детской беспризорности и безнадзорности явилась репрессивная политика Советского государства, под которой в работе подразумеваются различные формы и методы преследования советских граждан – лишение избирательных прав, осуждение за «контрреволюционные преступления», раскулачивание и насильственное выселение крестьянских семей, депортация народов по национальной принадлежности и др. В результате дети явились заложниками Советского государства, которое с помощью репрессий одновременно решало несколько важнейших задач: поиск и нейтрализация настоящих или потенциальных «врагов народа»; решение кадровой проблемы для вновь строящихся промышленных объектов; освоение новых территорий; снабжение населения сельскохозяйственной продукцией и обеспечение жильём; идеологическое воспитание граждан в духе преданности Коммунистической партии и Советскому государству. Всё это привело к нарушению прав многих детей на счастливое детство.

Менялся и социальный портрет беспризорного ребёнка. В конце 1920-х гг. это были преимущественно мальчики подросткового возраста. Больше число из них родилось в сельской местности, хотя встречалось немало детей, родившихся в городах. По социальному статусу беспризорные дети в основном были из крестьянских и рабочих семей. Большинство являлись сиротами, но встречались и полусироты, порвавшие связь с родителями и родственниками. В первой половине 1930-х гг. контингент беспризорников пополняется за счёт раскулаченных, дети которых составляли примерно половину от общей численности беспризорных. С середины 1930-х гг. к беспризорникам были причислены дети «врагов народа». Война стала причиной беспризорничества среди всех слоёв населения, так же как и в послевоенный период. Размеры детского горя невозможно оценить только численностью беспризорников. Репрессиро-

ванное детство повлекло за собой увеличение детской смертности, слабое здоровье, нравственную ломку, смену ценностных установок.

Анализ политики Советского государства по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью позволяет сделать следующие выводы. К концу 1920-х гг. происходит полный отказ от использования теории моральной дефективности в воспитании беспризорного и безнадзорного ребёнка. Необходимость перехода к трудовому воспитанию мотивировалась двумя причинами: овладение ребёнком конкретной специальностью, что было крайне необходимо при выходе во взрослую жизнь, и обеспечение самокупаемости детских учреждений. На деле эти принципы не соблюдались.

В начале 1930-х гг. использовались методы ликвидации уличной беспризорности, предложенные и апробированные в конце 1920-х гг. Переломным становится 1935 г. Поскольку руководство деятельностью различных государственных и общественных организаций, работающих с беспризорными детьми, полностью переходит к НКВД, роль общественных организаций значительно уменьшается. Меры борьбы с беспризорниками постоянно ужесточаются, и основное внимание сосредотачивается на методах борьбы с несовершеннолетними правонарушителями.

НКВД СССР оперативно реагировал на изменения численности беспризорных и безнадзорных детей, нарушения в деятельности детских учреждений, сразу же принимал соответствующие решения по ликвидации тех или иных проблем. Но их эффективность была непродолжительной. Причины этого заключались в том, что в процессе борьбы с беспризорностью основное внимание было сосредоточено не на первопричинах, а на следствиях. Новые виды репрессий влекли за собой и увеличение численности беспризорных детей.

В течение рассматриваемого периода детские дома формировались преимущественно по возрастному показателю. В них содержались дети, беспризорность которых была обусловлена различными причинами. В зависимости от региона проживания функционировали, например, детдома с преобладанием детей спецпереселенцев или детей репрессированных родителей, или тех и других вместе. Различалось только финансирование. Положение детских домов значительно улучшается за счёт приусадебных хозяйств и производств, на которых трудились воспитанники. Заработанные средства шли детскому дому.

Руководство и контроль за деятельностью детских учреждений в основном сводится к проверкам, выявлению недостатков, обсуждению их на различного рода заседаниях. Принимаемые меры улучшали положение детских домов и детских колоний, однако такая ситуация чаще всего являлась временной, до прибытия новых партий беспризорников. В послевоенный период, создание новых мест в детских учреждениях несколько опережало рост численности беспризорных детей.

С начала 1930-х гг. резкий взлёт численности беспризорных детей и методы ликвидации беспризорности сразу же привели к переполнению не только детских домов, но и детских колоний. Детей направляли в исправительно-трудовые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей с целью

предотвращения побегов и рецидива беспризорности. В связи с этим, ужесточаются меры содержания детей в детских учреждениях.

Проблема отсутствия педагогических кадров в детских учреждениях исправительно-трудового характера не означала, что в стране не было профессионалов. Отечественный опыт работы с трудными детьми изучаемого периода до сих пор обсуждается и используется не только в России, но и за рубежом.

Таким образом, к началу 1950-х гг. в России сложилась целостная система работы с беспризорными детьми. Это позволило государству не только эффективно решать поставленные задачи сокращения численности беспризорных детей, но и улучшить условия пребывания ребёнка в детском учреждении. Основной же причиной позитивных изменений явилось постепенное свёртывание репрессивной политики и улучшение экономической ситуации в стране.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:
Монографии**

1. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие Советской власти. – М.: ИНИОН, 2005. – 201 с. (10,8 п. л.)
2. Славко А. А. Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в России 1917 – 1952 годов. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2009. – 470 с. (26,3 п. л.)

Статьи в научных журналах в соответствии с перечнем ВАК

3. Славко А. А. Государство и беспризорность в 1930-е годы: система функционирования детских домов // Вестник Самарского гос. ун-та. – Самара: СГУ, 2009. – С. 23 – 27 (0,8 п. л.)
4. Славко А. А. Социальная помощь беспризорным и безнадзорным детям в России в 1930-е гг. // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – Вып. 33. – История. – С. 85 – 88 (0,6 п. л.)
5. Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России (1920 – 1940) // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2009. – Т. 11. – № 6. – С. 160 – 164 (0,8 п. л.)
6. Славко А. А. Трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей в России 1924 – 1933 годов // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2009. – Вып. 32. – История. – С. 62 – 65 (0,6 п. л.)
7. Славко А. А. Состав беспризорных и безнадзорных детей в России в 1920-е – 1940-е годы // Отсен Тарихы (тылыми журнал). Отечественная история, Казахстан. – 2009. – № 1. – С. 23 – 33 (0,9 п. л.)
8. Славко А. А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы Советской власти // Известия АлтГУ. – 2009. – № 4/4 (64/4). – С. 229 – 234 (1 п. л.)
9. Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933 – 1952 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 140 – 146 (0,7 п. л.)

10. Славко А. А. Детские дома и школы для детей–сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 79 – 88 (1,2 п. л.)

11. Славко А. А. Концепция борьбы с детской беспризорностью в отечественной историографии 1920-х гг. // Вестник Ивановского государственного энергетического университета – 2010. – № 1. – С. 54 – 57 (0,7 п. л.)

12. Славко А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. – № 120. – С. 33 – 43 (1,1 п. л.)

13. Славко А. А. Источники по истории детской беспризорности и безнадзорности в России 1920-х – начала 1950-х годов // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 148 – 152 (0,9 п. л.)

Статьи в научных сборниках и материалы научных конференций

14. Славко А. А. Система учёта беспризорников в СССР в 1920-е годы // Управление регионом: теория и практика. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С. 124 – 127 (0,4 п. л.)

15. Славко А. А. Система государственных учреждений и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Управление». Вып. 3, 2005. – С. 111 – 125 (1,3 п. л.)

16. Славко А. А. Организационная структура детских домов в СССР в 1920-е годы // Система управления в регионе: современность, история. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 47 – 48 (0,2 п. л.)

17. Славко А. А. Становление системы государственных учреждений и общественных организаций по ликвидации детской беспризорности в 1920-е годы // Народы России на переломе эпох (XX–начало XXI вв.). – Казань: КГТУ, 2005. – С. 165 – 171 (0,7 п. л.)

18. Славко А. А. Исправительно–трудовые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей закрытого типа в России 1920-х годов // Учебно – исследовательская деятельность как определяющий фактор формирования будущего педагога: матер. научно – практической конф. – Тверь: Редакционно – издательский отдел ТГИЭЖ им. А. Н. Коняева, 2005. – С. 110 – 115 (0,4 п. л.)

19. Славко А. А. Детская беспризорность в России 1920-х годов: историография // Теория и практика управления регионом. – Тверь: ТвГУ, 2005. С. 111 – 131 (1,5 п. л.)

20. Славко А. А. Методика формирования базы данных «Российские беспризорники 1900 – 1929 годов» // Информационные технологии в сохранении и изучении культурного наследия / Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 34. Материалы X конференции АИК. Май 2006 г. – М. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2006. – С. 189 – 190 (0,1 п. л.)

21. Славко А. А. Роль детских домов в ликвидации беспризорности в России в 1920-е годы // Вестник Тверского гос. ун-та. – 2006. – № 1(18). – С. 196 – 206 (0,9 п. л.)

22. Славко А. А. Политика ликвидации детской беспризорности в России в первой четверти XX в. // Культура и рациональность. Тверь: ТвГУ, 2006. – С.156 – 161 (0,5 п. л.)

23. Славко А. А. О механизме функционирования учреждений для детей, оставшихся без попечения родителей, в первые десятилетия XX века // Управление социально – экономическими процессами в России XX – XXI веков. – Тверь: ТвГУ, 2008. – С. 57 – 61 (0,4 п. л.)

24. Славко А. А. Проблемы исследования детской беспризорности 1920-х гг. // Становление и развитие системы управления в России: сб. науч. статей. Вып. 2. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – С. 109 – 115 (0,4 п. л.)

25. Славко А. А. Из исторического опыта работы с беспризорными детьми в России в первые десятилетия Советской власти // Гуманитарное образование сегодня: проблемы и перспективы: межвузовская научно – практическая конф. / под ред. В. И. Лавренова. – Тверь: Издатель Андрей Ушанов, 2008. – С. 38 – 40 (0,2 п. л.)

26. Славко А. А., Славко Т. И. К вопросу о создании базы данных «Беспризорник 1920 – 1930-х годов // Инновационные подходы в исторических исследованиях: информационные технологии, модели и методы / Материалы XI конференции Ассоциации «История и компьютер». 13 – 15 декабря 2008 г. / ред. Л. И. Бородкин. – М. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 150 – 151 (0,2 п. л.)

27. Славко А. А. Документы и материалы по изучению численности и состава беспризорников в 1920-х гг. // Становление и развитие системы управления в России: сб. науч. статей. – Вып. 3. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – С. 107 – 118 (0,5 п. л.)

28. Славко А. А. Роль педагогов–новаторов в деле ликвидации детской беспризорности в Советской России // Инновационное развитие и социально–экономические процессы региона / Материалы VII Всероссийской научно–практической конференции. 30 октября 2008 г. – Тверь: ТФ МЭСИ, 2008. – С. 157 – 160 (0,2 п. л.)

29. Славко А. А. Государственная политика в отношении детей – сирот в 30-е гг. XX в. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере / Материалы VII Всероссийской научно – теоретической конференции. 28 марта 2008 г. Сыктывкар. – Ч. II. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – Ч. II. – С. 118 – 121 (0,3 п. л.)

30. Славко А. А. Политика ликвидации детской безнадзорности в России 1930-х годов // Социально – политические процессы в меняющемся мире. – Тверь: ТвГУ, 2008. – Вып. 9. – С. 12 – 15 (0,2 п. л.)

31. Славко А. А. Государственная политика в области ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. – № 6(11). 2008. – С. 124 – 129 (0,4 п. л.)

32. Славко А. А. Условия жизни и методы воспитания беспризорных детей в детских домах в первое десятилетие Советской власти // Развитие гражданского общества в России средствами образовательного процесса: матер. межрегиональной научно – практической конференции. 10 октября 2008 г. Ч. 2. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2008. – С. 48 – 59 (0,5 п. л.)
33. Славко А. А. Причины детской беспризорности в России 1920-х гг. // Становление и развитие системы управления в России: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008. – С. 121 – 136 (0,6 п. л.)
34. Славко А. А. Роль государства и общественных организаций в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Советской России 1917–1952 годов: уч. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 84 с. (5,2 п. л.)
35. Славко А. А. Исправительно – трудовые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей в Советской России 1917–1952 годов: уч. пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009 – 61 с. (4 п. л.)
36. Славко А. А. Социальная помощь беспризорным и безнадзорным детям в России: проблемы исследования // Вестник Международной Академии образования. – Вып. 1(11). – 2009. – С. 92 – 94 (0,4 п. л.)
37. Славко А. А. Метод плеяд в изучении беспризорничества в России середины 1920-х годов // Математические методы в технике и технологиях: сб. трудов XXII международной научной конференции. – Т. 7. – Псков: Изд-во ППИ, 2009. – С. 201 – 203 (0,2 п. л.)
38. Славко А. А. Использование опыта деятельности детских домов периода Великой Отечественной войны в условиях современной России // Социальные проблемы. XXI век: сборник матер. международного круглого стола 19 июня 2009 года / сост. И. Ф. Албегова, Г. Л. Шаматонова, А. В. Попова. – Ярославль: ООЯО «Социум», 2009. – С. 48 – 51 (0,2 п. л.)
39. Славко А. А. Система учёта и отчётности по беспризорным и безнадзорным детям // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. – Т. 3 / под ред. С. А. Баканова, Г. А. Гончарова. – Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2009. – С. 54 – 65 (0,8 п. л.)
40. Славко А. А. Город и деревня в борьбе с детской беспризорностью в России 1920 – 1930-х годов // Проблемы изучения взаимосвязи города и деревни Среднего Поволжья: материал II Всероссийской (X межрегиональной) конференции историков – аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 20 – 21 ноября 2008 г.). – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2009. – С. 414 – 418 (0,3 п. л.)
41. Славко А. А. Великая Отечественная война и проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в России // Теоретические и практические аспекты социально – экономического и политического развития республики Казахстан, Центральной Азии и стран СНГ на современном этапе: сборник материалов междунар. науч. – практ. конф. / под ред. С. А. Жакишевой. – Алматы: TST company, 2009. – С. 371 – 377 (0,4 п. л.)
42. Славко А. А. Роль государства в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны // Социально – экономические и политико – правовые тенденции развития Советского общест-

ва в период Великой Отечественной войны. – Тверь: ТФ МЭСИ, 2009. – С. 116 – 123 (0,4 п. л.)

43. Славко А. А. Детские дома в России в условиях Великой Отечественной войны // Проблемы современного общества: естественнонаучные и гуманитарные аспекты: сб. материалов I Международной науч.–практ. конф. Георгиевск, 19 марта 2009 г. – Георгиевск: ООО «Издательство Алькар», 2009. – С. 194 – 196 (0,2 п. л.)

44. Славко А. А. Моделирование социальных явлений с помощью метода плеяд на примере изучения детской беспризорности в современной России // Партнёрство бизнеса и образования в инновационном развитии региона: матер. VIII международной научно – практической конференции. Тверь, 29 октября 2009 г. – Тверь: ТФ МЭСИ, 2009. – С. 327 – 329 (0,2 п. л.)

45. Славко А. А. Государственная политика борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1946 – 1952 гг. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: матер. VIII Всероссийской конференции (17 апреля 2009 г., Сыктывкар): в 4 ч. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2009. – Ч. III. – С. 163 – 168 (0,3 п. л.)

46. Славко А. А. Массовые источники по истории детей–сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Грамота. – 2009. – № 3(4). – Тамбов, 2009. – С. 166 – 169 (0,4 п. л.)

47. Славко А. А. Роль специальных детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Грамота. – 2009. – № 3(4). – Тамбов, 2009. – С. 169 – 172. (0,4 п. л.)

48. Славко А. А. Беспризорные и безнадзорные дети в Советской России: отечественная историография второй половины 1980-х – 2000-х гг. // Становление и развитие системы управления в России: сб. науч. статей. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2009. – Вып. 5. – С. 181 – 198 (0,7 п. л.)

49. Славко А. А. Репрессивная политика Советского государства 1930-х гг. как причина детской беспризорности и безнадзорности // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Теория в практике управления». – 2009. – № 7. – С. 78 – 87. (0,6 п. л.)

50. Славко А. А. Государственное регулирование деятельности детских домов в России первой половины 1930-х гг. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: матер. IX Всероссийской науч.–теорет. Конф. (16 апреля 2010 г., Сыктывкар): в 3 ч. – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2010. – Ч. III. С. 176 – 180 (0,4 п. л.)

51. Славко А. А. Система функционирования детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в России в годы Великой Отечественной войны // Третьи Кремлёвские чтения. – Ч. 2: матер. Всероссийской научно-практической конф. «Великая Отечественная война 1941 гг.: региональные ас-

пекты исследования» (Казань, 28 апреля 2010 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 138 - 146 (0,5 п. л.)

52. Славко А. А. Формирование и развитие системы статистического учёта и отчётности по беспризорным и безнадзорным детям в России 1930-х - начала 1950-х годов // Документ в оперативной и ретроспективной среде. – Вып. 1. – Тюмень: Типография «Печатник», 2010. – С. 224 – 234 (1,0 п. л.)

53. Славко А. А. Исправительно-трудовые учреждения для несовершеннолетних правонарушителей на рубеже 1920 - 1930-х гг. // Становление и развитие системы управления в России: сб. науч. ст. – Вып. 6 – Сыктывкар: КРАГСИУ, 2010. – С. 142 – 159 (1,1 п. л.)

Подписано в печать 10 февраля 2011 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Объем 2,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1982
443011 г. Самара, ул. Академика Павлова, 1
Отпечатано УОП СамГУ